

АНДРЕЙ

РОММ

МОЯ ВТОРАЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

ФОРТУНА ЛЮБИТ ОТВАЖНЫХ!

Андрей Ромм

18+

Андрей Ромм

Моя вторая первая любовь

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Однажды Виктории позвонила женщина, которая призналась в том, что была любовницей ее мужа. Казалось бы, зачем рассказывать о том, что уже не имеет отношения к настоящему! Оказывается, из-за мести. Из-за того, что разлюбил и уволил. Разве Вика могла поверить наглой бабе? Разве могла она усомниться в преданной любви своего Константина, который добивался ее со школьных лет? Нет, конечно! Но только до тех пор, пока коварная любовница не описала постельное белье, купленное Викой для супружеской постели: «шелковое голубое с белым морозным узором...»

Содержание

1	4
2	21
3	34
4	47
5	63
6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрей Ромм

Моя вторая первая любовь

*«...тот, кто любит, должен разделять участь
того, кого он любит...»*

М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

1

До недавних пор Виктории почему-то казалось, что сходиться с ума весело. Непонятно почему. Возможно, потому что двое сумасшедших, с которыми Викторину сводила жизнь, были веселыми, добродушными людьми. Соседка Дашенька, несмотря на свой более чем почтенный возраст, играла с дворовыми девочками в куклы и классики, лепила куличи, прятала на газонах, под стеклом, секретики и отчаянно боялась своей строгой младшей сестры Татьяны Павловны. Стоило той только крикнуть из окна своим дребезжащим старческим фальцетом: «Даша, пора обедать!», как Дашенька бросала все дела и пулей мчалась домой. Взрослые угощали Дашеньку леденцами (других конфет она не признавала) и грустно качали головами, жалели ее. Маленькая Вика не понимала, почему жалеют веселую и добрую Дашеньку, а не ее суровую сестру, у которой брови всегда были насуплены, а губы сжаты в ниточку. Безымянная женщина, торговавшая

у входа на Северный рынок шариками-попрыгунчиками на резинке, тоже была веселой, хоть и очень странной. Во-первых, у нее был оглушающее пронзительный свисток, на котором она высвистывала разные мелодии, большей частью бравурные. Во-вторых, если не было денег, то шарик можно было получить в качестве приза за отгаданную загадку. Загадки были странными, непонятными, давалась только одна попытка, но иногда все же получалось отгадать. Приз вручался под музыку и аплодисменты, на зависть подружкам, не нашедшим правильного ответа. А поди угадай с первой попытки, что «круглый, без ножки, лежит на дорожке», это не колобок, не блин и, даже, не железный рубль, а солнечный зайчик?

Происходящее с другими людьми воспринимается проще и легче. Особенно в детстве. На пороге тридцатилетия, пересев из одной, разбившейся о быт, любовной лодки в другую, начинаешь относиться к себе с одной стороны, весьма критично, а с другой, очень внимательно. Слишком уж тяжело переживалось предательство и все то, что за ним последовало. Переживалось? Нет – переживается. Переживается по сей день, то и дело колет внутри острыми иголками, скребет наждаком, подступает тугим комком к горлу. Прошлое никак не отпускает, несмотря на то, что уже началась новая жизнь. Подруга Альбина, любительница каламбуров и всякого рода словесных выкрутасов, называет нынешнее Викторино состояние «рестартом без перезагрузки». Очень,

кстати говоря, метко называет, так оно и есть, хоть и звучит абсурдно. А разве сама жизнь не абсурдна? Несколько лет строишь терпеливо, по кирпичику, свое счастье, но, стоит только остановиться и отступить на шаг для того, чтобы полюбиться результатом, как прочное кирпичное строение предстает карточным домиком, разваливающимся от малейшего дуновения. Кто-то там дунул, и у тебя больше нет счастья... Грустно? Еще как. Не до слез, а прямо до воя. И если вскоре после этого начинаются провалы в памяти, то прежде, чем как следует удивиться этому, ты как следует пугаешься. Потому что внезапно найти считавшуюся потерянной зарядку для телефона в банке с перловой крупой – это страшно. Потому что это происходит с тобой. Потому что нечто подобное происходит с тобой уже не в первый раз. Потому что тебе всего двадцать девять лет. Рановато для встречи со старинной Альцгеймером.

Кроме того, любой начитанный и «насмотренный» человек прекрасно понимает, чем чреваты эти самые провалы. В беспамятстве можно натворить такого... В беспамятстве все, что угодно, можно натворить. Вдруг ей придет в голову, что она Воительница Света или какая-нибудь Добрая Валькирия, а Валерка – Исчадь Ада или Порождение Тьмы, и она решит зарубить его кухонным тесаком, воображая, что у нее в руках Меч Возмездия? Или, наоборот – она станет Исчадем Ада и убьет доброго Валерку?

Убийство, это, конечно, крайности, но и без них плохо.

Разве можно жить без памяти? Память, это то, что делает человека человеком, конкретным человеком, с конкретным жизненным багажом, привычками и всем прочим. Потеря памяти означает потерю личности, потерю всего. Превратишься в овощ с минимальными навыками самообслуживания. Если они еще сохраняются, эти самые навыки, а то ведь можно совсем про все-все-все позабыть. Это называется тотальная амнезия. Благодаря всезнающему Интернету, теперь нет необходимости в том, чтобы по любому мелкому поводу консультироваться у специалистов. Тем более – у психиатров. У них только проконсультируйся, только попадись в цепкие руки. Поставят на учет и потом ни за руль, ни по тарелочкам пострелять. Без тарелочек Виктория обходилась спокойно, тем более, что у Валерки, в отличие от Константина, не было ни ружей, ни удочек, а вот без машины в загородном доме жить трудно. Даже в пятнадцати километрах от кольца. Даже при наличии автобуса и маршруток. Автобусы ходят редко, а в маршрутку надо садиться на конечной, там она набивается битком и ближнюю остановку проезжает, не тормозя, а это неудобно. И гоняют водители маршруток настолько лихо, что после каждой поездки хочется новый день рождения отпраздновать. Чем больше праздников, тем, конечно, лучше, но не такой ценой. Такое впечатление, будто маршрутки водят те, кого в летчики-истребители по состоянию здоровья не приняли. Нет, ну их к черту, психиатров этих!

Самообразовываясь, Виктория вычитала в Интернете, что амнезия может быть и на нервной почве, когда из памяти вытесняются воспоминания о чем-то неприятном. Было написано, что такая амнезия могла развиваться не только у больных, но и у здоровых людей. С оговоркой, касательно истерического типа личности, но лучше уж считать себя истеричкой, чем шизофреничкой. Так гораздо приятнее и спокойнее, тем более что развод сказался на нервной системе Виктории далеко не самым лучшим образом. Раздражительность повысилась невероятно, для того, чтобы завестись, было достаточно малейшего пустяка, то и дело пробивало на слезу. Как ни сдерживайся, сколько ни внушай себе, что так нельзя, в какой-то момент переключается внутри невидимый тумблер и начинается то, что Валерка называет «концертино», а коллеги «бурей в пустыне». С Валеркой и коллегами однозначно повезло. Приятно, когда тебя окружают чуткие люди, способные войти в положение и сделать поправку на особые обстоятельства, но бесконечно никто скидок делать не станет. Любое терпение когда-нибудь иссякает.

Память повела себя странно. Вместо того, чтобы вытеснить воспоминания о разводе, а лучше бы, вообще, о Константине, забыть бы его поскорее, да и не вспоминать никогда, память «выбрасывала» незначительные, несущественные воспоминания о каких-то пустяках. Но страшно было то, что стирались эти незначительные воспоминания напрочь. Сколько ни напрягайся, ничего не вспомнишь. Даже смутно.

Первой «ласточкой» стал «Юридический справочник по семейному праву», который Виктория обнаружила в верхнем ящике своей прикроватной тумбочки. Справочник лежал поверх «Гордости и предубеждения» на английском языке, хранившегося под рукой в качестве универсального снотворного. Обычно Виктории хватало трех страничек для того, чтобы заснуть.

Сначала находка Викторию не удивила. Она подумала, что справочник в воскресенье читал Валерка, имевший обыкновение в редкие свои выходные валяться в постели до обеда. Машинально сунул не в ту тумбочку, мало ли с кем не бывает. Виктория положила книгу на Валеркину тумбочку, откуда та перекочевала на полочку. Валерка, как и положено юристу, был педантичен и немножечко занудлив, но занудливость его больше касалась работы, нежели быта и, кроме того, была смешной, совсем, как у Уотсона в «Докторе Хаусе», поэтому не раздражала. Или, может, Виктория просто привыкла к тому, что Валерка зануда, еще в школе? Как-никак, одиннадцать лет вместе проучились. Валерку дразнили Знайкой, а Константина Шурупом, потому что он постоянно что-то прикручивал-откручивал, чинил-разбирал. Когда шел, громыхал железом, как Кащей Бессмертный костями, столько у него всего было в карманах. В Константине занудства не было нисколько, но зато упрямства на семерых. А еще Константин был подлецом, но этого Виктория не разглядела ни в школе, ни после. Только в прошлом году случайно

обнаружила...

Примерно в то же время, когда в тумбочке появился справочник, у Виктории пропала зарядка для мобильного. Пропаже Виктория значения не придавала, решила, что взял кто-то со стола в офисе попользоваться, да забыл положить обратно. Зарядки, зажигалки, пакетики с чаем, ручки-карандаши по негласному правилу считались общим достоянием, которое можно было брать без спросу. В отличие от чужих флэшек и прочих накопителей, за одно лишь прикосновение к которым можно было нарваться на скандал. Интеллектуальная собственность священна и неприкосновенна, ради ее защиты дизайнеры готовы на все. В прошлом году в конторе случился не просто конфликт, а настоящий курьез. Программист Владик, бесцеремонный и непосредственный, как все большие дети, получил в глаз от Макса Калиниченко. Проходя мимо стола Макса, который в тот момент отлучился в туалет, Владик заинтересовался флэшкой в виде золотого ключика, взял ее, чтобы рассмотреть получше, рассмотрел, забывшись, сунул в карман и пошел себе дальше. А на флешке был записан проект, который через полчаса надо было представить Хозяйке. Макс летал по офису встревоженной птицей, заглядывал под столы и стулья, спрашивал всех, не брали ли они золотого ключика, а Владик в это время спокойно сидел в серверной, привычно делая вид, что по макушку загружен работой. Лишь часа через два, полезши в карман за очередной антиникотиновой жвачкой, Владик обнаружил

там чужую флешку. Макс у уже успевший получить суровую нахлобучку вкупе с «самым последним» предупреждением, как раз пытался вычислить того, кто его подставил, когда перед ним с заветной флэшкой в руке появился улыбающийся Владик. Вместо благодарности, Владик огреб кулаком по своему худому, изможденному, вечно небритому лицу.

О зарядке Виктория забыла почти сразу и не вспоминала о ней до тех пор, пока не нашла ее в банке с перловой крупой, стоявшей в одном из кухонных шкафов. Но это случилось гораздо позже, потому что перловку, в отличие от риса или гречки, ни она, ни Валерка особенно не любили и ели редко, разнообразия и полезности ради. Тогда же Виктория просто взяла другую зарядку, благо их у нее от прежних мобильных оставалось несколько. Своеобразный «бонус лояльности», если сохраняешь верность одной и той же модели, то будешь вознаграждена небольшим запасом полезных однотипных аксессуаров. Зарядка озадачила Викторию много позже, до тех пор еще кое-что успело произойти.

В первый раз Виктория испугалась, когда не нашла в привычном месте, на верхней полке шкафа с одеждой, который стоял в спальне, кожаной папки со своими документами. В последний раз она заглядывала в папку месяца полтора назад. Она вообще заглядывала туда редко, потому что паспорт и права носила в сумке, а остальные документы были нужны от случая к случаю. В тот день ей вздумалось проверить срок действия годичной шенгенской визы прежде, чем заняться

планированием отпуска.

Первой мыслью было, что в доме побывали воры. Зарядку от мобильного или какую-нибудь книгу, Виктория могла оставить где придется, но к документам и, вообще, ко всему важному, она относилась ответственно. Важное всегда лежало у нее на своих местах. Представить, что папку взял, а затем положил не в то место Валерка, было невозможно. Зачем ему ее документы? Все, что имело отношение к ним обоим, например – свидетельство о браке, хранилось в ящике его письменного стола. Но если допустить, что папку все же взял Валерка (случается же и невероятное!), то вот положить ее не на свое место он никак не мог. Скорее уж солнце начнет восходить на западе и заходить на востоке, чем Валерка нарушит порядок.

Не подумав о том, что проникновение воров не могло бы остаться незамеченным, поскольку не только входная дверь, но и окна были под сигнализацией, Виктория принялась проводить ревизию домашних ценностей. Дойдя до стоявшего в гостиной секретера, в котором хранился изрядно поредевший от времени набор столового серебра на шесть персон, доставшийся Валерке от предков, Виктория наткнулась там на папку. Как могла папка перебраться со второго этажа на первый, да еще и оказаться аккуратно подложенной под обитую истертым бархатом коробку с вилками-ложками? На всякий случай Виктория позвонила Валерке и спросила, не брал ли он папку. Валерка, разумеется, ответил, что не брал.

Найдя пропажу, Виктория немного успокоилась. Во всяком случае, настолько, чтобы сообразить, что посторонние здесь ни при чем. Появление воров непременно бы вызвало срабатывание сигнализации. Со всеми истекающими последствиями. У предусмотрительного Валерки (адвокат же!) в каминной трубе помимо заслонки была вмонтирована стальная решетка. Даже кошке не пролезть, не то, чтобы человеку. Домработницы они не держали, гостей на второй этаж не водили, к тому же гостей принимали в гостиной, где стоял сервант. Если бы кто-то из гостей, задумав подшутить, вполне мог втихую, на цыпочках, под предлогом отлучки в туалет, подняться на второй этаж и взять папку, то вот незаметно положить ее в сервант в гостиной он бы никак не смог. Да еще и в такое место, вглубь нижней полки. Это же надо раскрыть обе створки, наклониться, достать коробку со столовым серебром, положить папку, поставить сверху коробку... Целая канитель, куда проще на антресоль в прихожей положить, да и не было среди их с Валеркой знакомых людей со столь своеобразным, прямо говоря – идиотским, чувством юмора. Методом исключения выходило, что кроме самой Виктории положить папку в сервант было некогда. Вот тут-то и пришло время пугаться. Перебрав в памяти все алкогольные эпизоды за последнее время, Виктория ни нашла ни одного, на который можно было бы списать беспамятство. Спиртное она пила редко, в основном, красное вино, редко – мартини, и понемногу, до легкого головокружения, а не до потери памя-

ти и совести, заодно с сознанием.

Так и не вспомнив, как она перекладывала злополучную папку в сервант, Виктория вспомнила сцену из какого-то голливудского фильма, в котором главный герой пытался взбодрить свою память с помощью ассоциаций. Раз десять, если не больше, она брала папку из шкафа в спальне и несла ее в гостиную, несла быстро, несла медленно, один раз даже зачем-то сунула под халат, но так и не смогла вспомнить, как перепрятывала ее на самом деле. Хотела позвонить Альбине, чтобы посоветоваться, Альбина была не только единственной близкой подругой, но и врачом, правда, косметологом, но быстро раздумала. Не хотелось рассказывать никому такое о себе. Хотелось как можно скорее забыть об этом досадном, пугающем, нехорошем инциденте. Забыть так качественно, как забыла она про папку в серванте. В тот вечер Виктория места себе не находила, но и Валерке тоже ничего рассказывать не стала. Валерка, конечно, заметил ее состояние, но, скорее всего, списал на обычную, привычную причину. Во всяком случае, вопросов задавать не стал. А утро следующего дня выдалось таким солнечным и ласковым... А на работе Хозяйке посчастливилось отхватить очередной суперзаказ, куратором которого стала Виктория... А вечером их с Валеркой так сильно потянуло на любовь, что они и поужинать-то толком не успели... А потом Виктория успокоила себя тем, что в жизни любого человека хоть раз, но случается какой-нибудь полтергейст, вот и с ней случился. Будет,

о чем потом внукам рассказывать. Если, конечно, с детьми все получится. Справочник, зарядку и папку Виктория тогда вместе не связала, как-то в голову не пришло. Спустя неделю успокоилась настолько, что рассказала случай с папкой Альбине. Та в ответ вспомнила, как однажды нашла в морозилке вставные челюсти своей первой свекрови. Виктория обиделась на то, что ее, молодую и здоровую, сравнивают с какой-то выжившей из ума старухой. Первый муж Альбины был на четверть века старше ее, соответственно, его маменька была вообще в преклонных годах, Альбина возразила, что такой ясности ума, как у первой свекрови, она ни у кого никогда не замечала и разговор ушел куда-то в сторону, а ведь Виктория в глубине души надеялась получить от подруги медицинский совет. Пусть Альбина косметолог, но ведь психиатрию она в институте изучала, должна что-то там помнить.

Пазл сложился в тот несчастный и ненастный (одно к другому) день, когда весы показали прибавку в целых четыре килограмма. До этого Виктории больше недели было не до взвешиваний. Много работы, очередное обследование в Центре акушерства и гинекологии, да вдобавок Валерка свалился с ангиной и все свободное время проходило в хлопотах над его бранным, горячим как печка телом. Виктории казалось, что от всей этой суеты она должна была похудеть как минимум на два килограмма, а тут на тебе – плюс четыре, да еще с весомым таким хвостиком. И ведь не ела ниче-

го такого, ни мучного, ни сладкого, разве что одну шоколадку, но разве с одной шоколадки столько прибавишь? Заподозрив, что весы сломались и врут, Виктория решила свериться с «эталоном» – своим первым и единственным свадебным платьем, в котором она выходила замуж за Константина. Платье было единственным, потому что с Валеркой они сочетались браком без всякой помпы и нарядов специально не покупали. Валерка надел синий костюм, она – светло-голубой, получилось неплохое, «фотогеничненькое», как выразилась Альбина, сочетание. Платье после свадьбы ни разу не надевалось для выхода, потому что было чисто свадебным, не подходившим для иных случаев, но иногда использовалось в качестве эталона. Замуж за Константина Виктория выходила «девочкой-тростиночкой», с тех пор немного раздалась вширь, и если сейчас удавалось застегнуть молнию хотя бы на выдохе, то это уже можно было считать достижением. «Наказав» бесстыдно врущие весы легким пинком, Виктория полезла на чердак за платьем. На чердаке у нее был свой, особый, закуток, островок хаоса в безбрежной Валеркиной галактике порядка, каморка, в которой хранились папки с рисунками, старые вещи, которые по тем или иным причинам рука не поднималась выбросить, несколько памятных видеокассет, обломки найденного на помойке кофейного столика, до реставрации которого никак не доходили руки и тому подобные «сокровища». Сторожил их одноглазый плюшевый мишка Тихон, друг детства, поверенный

самых сокровенных тайн. Вообще-то коробку с платьем, которое иногда надевается, удобнее было бы хранить в спальне, под рукой и пылиться будет меньше, но Виктория нарочно убрала ее на чердак. По ее мнению, второму мужу, даже такому спокойному человеку, как Валерка не стоило лишний раз напоминать о своей первой свадьбе. Даже с учетом того, что он был на ней свидетелем. Константин пригласил. Не то по простоте душевной, не то из изощреннейшего коварства. Когда-то Виктория думала, что все же по простоте, но сейчас склонялась к версии с коварством; всем известно, где водятся черти – в тихом омуте. Если выходишь замуж второй раз, то правильнее всего делать вид, что первого раза не было. Был сон, наваждение, морок, протяженностью в несколько лет, не более того.

Можно было скинуть халат и надеть платье прямо на чердаке, но Виктории захотелось полюбоваться на себя в зеркало, поэтому она спустила коробку вниз, на второй этаж. И хорошо, что спустила, потому что, обнаружив платье изрезанным на ленты разной ширины, испугалась настолько, что почувствовала слабость и противную дрожь в коленях. Вряд ли в таком состоянии она смогла бы благополучно спуститься с чердака по приставной лестнице. Непременно свалилась бы и что-нибудь себе сломала.

Платье было изрезано обстоятельно, ножницами или острым ножом, сверху донизу, от лифа до подола. Собственно, то, что лежало в коробке, уже нельзя было называть платьем.

Виктория зачем-то разложила обрезки на кровати, собирая из них платье, как пазл из кусочков, и убедилась, что ничего не пропало, все было здесь. Постояв с минуту около своего пазла, она рухнула на него, потому что ноги окончательно отказали, и горько заплакала. У нее не было сомнений в том, кто мог это сделать. Конечно же, сама она. Кому же еще? Но зачем? И, главное, когда?

Вот тут-то и пришлось взглянуть в глаза реальности, сложить вместе справочник, папку с документами, платье, осознать, что столкнулась с проблемой и полезть в Интернет за сведениями. Амнезия на нервной почве ответила на вопрос «как?», но вопрос «зачем?» некоторое время оставался открытым и пугал больше, чем сама амнезия. Одно дело папку с документами с места на место переложить и совсем другое, испортить собственное платье. Хорошенько пораскинув мозгами, Виктория объяснила все так. Развод был болезненным, поэтому все, что напоминало о Константине, ей хотелось поскорее забыть. Папку она упрятала подальше, потому что в ней лежало свидетельство о разводе, платье изрезала, чтобы больше никогда не надевать (почему не выбросила его это уже другой вопрос, на который ответа искать не хотелось), а справочник по семейному праву читала для того, чтобы набраться полезных знаний на будущее. Не потому что опасалась каких-то проблем с Валеркой, а просто для того, чтобы восполнить пробелы. Все вертелось вокруг развода, как планеты вокруг Солнца. Викторию такое объяснение

полностью удовлетворило. Шероховатости она предпочла не замечать. Известно же, что гладко бывает только на бумаге, в жизни без шероховатостей не обойтись, да другой версии у нее не было. К собственному здоровью Виктория относилась с должным вниманием (были на то причины) и всегда считала, что лучше «перебдеть», нежели «недобдеть», но это правило касалось телесных заболеваний, а не психических.

Нашедшаяся спустя несколько дней зарядка только подкрепила версию. Виктория вдруг вспомнила, что телефон ей подарил Константин, и объяснила припрятывание зарядки выражением желания избавиться от телефона, бессознательно напоминавшего ей о первом муже. Почему не спрятала сам телефон? Потому что не успела или не хотела оставаться без связи. Возможно, кто-то из профессиональных психологов счел бы это объяснение надуманным или, даже, глупым, но Викторию оно полностью устроило, потому что целиком и полностью укладывалось в рамки ее версии.

Виктория купила новый телефон, а старый выбросила. Платье она сожгла вместе с коробкой в мангале, пепел, как принято, развеяла по ветру. Очень хотелось сжечь заодно и свидетельство о разводе, но это был документ, который мог еще пригодиться. От греха подальше, Виктория запечатала его в конверт и попросила Валерку положить его в банковскую ячейку. У Валерки, как и у любого адвоката, была ячейка, в которой он хранил рабочие документы особой важности. Валерка немного удивился просьбе (а, может, и тому,

что конверт был таким тонким – одна бумажка), но вопросов задавать не стал. Если не знать Валерку хорошо, так, как знала его Виктория, то его деликатность можно было бы принять за равнодушие. Валерка вообще был из числа тех людей, которые раскрываются во всей красе только при близком знакомстве. Под маской флегматичного педантичного Знайки скрывался восторженный и преданный рыцарь Ланселот.

Слово «преданный» очень подходило к Валерке. В обоих своих смыслах. Он был предан Виктории и всю жизнь, как сам утверждал – с первого класса, любил только ее, а она его предала. Дважды предала – в первый раз, когда вышла замуж за Константина, а во второй раз, когда вышла замуж за него, потому что выходить замуж за любящего тебя человека без любви равносильно предательству.

Труднее всего было расстаться с архивом прошлой жизни, тремястами гигабайтами фотографии и видеофильмов, снятых за время совместной жизни с Константином. Рука не понималась запустить форматирование диска, но вычеркивать из жизни, так вычеркивать, к тому же Виктория прекрасно понимала, что никогда в жизни не станет ничего пересматривать. Слишком уж больно, лучше забыть.

На отформатированный диск она тут же переписала несколько проектов из ноутбука. Хотелось не просто стереть, но и сразу же заполнить диск чем-то, неважно чем, как будто это действие могло заполнить зияющую в душе пустоту.

«Треугольник» сложился в восьмом классе, до тех пор просто дружили, не особо выделяя друг дружку из числа прочих. Впоследствии оба, и Константин, и Валерий утверждали, что влюбились с первого взгляда в первый школьный день, но Виктория этому не очень-то верила, потому что такие вещи чувствуются сразу, а она до восьмого класса ничего не чувствовала. Мелькало нечто временами, то Константин вдруг покраснеет, встретившись с ней взглядом, то Валерка на день рожденья сочинит поздравление в стихах, но все это было так несерьезно, что и внимания обращать не стоило. А в восьмом классе пошло-поехало, усиливаясь с каждым днем. В музыке это называется «крещендо». Шли втроем из школы домой к Виктории, делали вид, что делают уроки вместе (надо же было как-то оправдать эти ежедневные приходы), потом отправлялись гулять.

– Счастливая ты, Вика, – откровенно завидовала соседка по парте Ленка Попылькова, – у некоторых ни одного кавалера, а у тебя сразу два!

Виктория смеялась – какие кавалеры? О чем речь? Мы всего лишь дружим. Хотя, понимала, что Ленка права, потому что дружба у них была особенная. Чувствовалось, что рано или поздно придется делать выбор, но пока с выбором спешить не хотелось. Когда мальчишки по очереди, с раз-

рывом в один день, признались ей в любви, Виктория каждому честно сказала, что не может решить, кто ей нравится больше. Константина это заметно расстроило, он насупился, покраснел, запыхтел обиженно, а Валерка отреагировал спокойно, сказал, что готов ждать, сколько нужно...

– Почему ты выбрала Константина? – спросила Альбина вскоре после той, первой свадьбы.

С Альбиной Виктория познакомилась после окончания школы. Знакомство было случайным. Обе в студенчестве подрабатывали на промоакциях, там и встретились. Альбина стала первой по-настоящему близкой подругой Виктории. Вообще-то такими подругами положено обзаводиться в школьные годы, но как-то не сложилось. Возможно, причина была не только в том, что не встретилось подходящей девочки, но и в том, что в самом «подружечном» возрасте рядом с Викторией постоянно были Костик и Валерка.

– Он так улыбается, что больше ничего не надо, – ответила Виктория.

Пошутила, конечно, потому что не в одной улыбке было дело, но, в то же время, сказала правду. Открытый, эмоциональный, непосредственный Константин с некоторых пор начал нравиться ей больше Валерия. Это случилось еще в школе, в одиннадцатом классе. Учеба в разных вузах «разбила» треугольник и как-то так сложилось, что больше времени Виктория стала проводить с Константином. Валерий все понял и деликатно отошел в сторону. Виктории не по-

нравилось, что он «отошел» молчком, не попытавшись объяснить с нею. Тогда она решила, что Валерий не испытывает к ней серьезных чувств, испытывал бы – не сдал бы свои позиции так вот, без разговоров. Юношеский максимализм страшное дело. Нет бы понять, что человек настолько уважает твой выбор, что считает себя не вправе влиять на него, уговаривать, просить. Ну и разницу между людьми надо было чувствовать глубже. Валерию, в отличие от Константина, очень важно, чтобы был шаг навстречу. Объяснился тогда, в восьмом классе, сказал, что будет ждать и ждал этого самого шага. Она не шагнула, значит, сделала выбор. Это Константин был готов признаваться в любви по десять раз на дню. Настойчивость и целеустремленность – похвальные качества, особенно для юноши в глазах девушки. То, что настойчивость и целеустремленность могут быть тихими, но от этого не менее «качественными», понимаешь не сразу. И то, что искренность и доверие в любви важнее всего прочего, тоже понимаешь не сразу. Многое начинаешь понимать лишь после того, как получишь урок. Опыт – лучший учитель и чем он горше, тем лучше учит.

Но как же он хорошо улыбался! Никаких подарков не надо, только бы эту улыбку...

Предложение Константин сделал, когда они учились на третьих курсах, он в автомобильно-дорожном, Виктория в гуманитарном университете. Выходить замуж, не доучившись, Виктория не хотела. Она привыкла доводить начатое

до конца и считала, что семью надо создавать на прочном фундаменте. Константин горячился, убеждал, что два года – это так много, целая вечность, хвастался своими совсем не студенческими заработками в автосалоне, обещал работать еще больше, но Виктория была непреклонна – сначала диплом, потом ЗАГС. Можно хоть на следующий день. Альбина (к тому времени они уже сдружились), как-то раз спросила, не надеется ли Виктория, что Костино предложение подстегнет Валеру к более решительным действиям. Виктория, немного разозлившись – что за глупости, ответила, что с Валеркой «все ясно», хотя на самом деле с ним было ясно далеко не все. Что-то такое оставалось внутри, сидела глубоко-глубоко какая-то заноза, иначе бы она не злилась. Валерка – это Валерка, Константин – это Константин, избранник может быть один, а друзей много, не каждый близкий друг имеет шансы стать спутником жизни и так далее. Услышав про «все ясно» Альбина округлила глаза и покивала головой – да-да, конечно. Виктория, поняв, что подруга откровенно над ней издевается, разозлилась еще сильнее и они чуть не поссорились. Это «чуть» случалось у них часто, потому что Альбина не могла жить без провокаций, подколов и насмешек, такой уж у нее характер. Их дружбу спасали и продолжают спасать два обстоятельства. Во-первых, Альбина всегда безошибочно чувствует, когда надо включать задний ход, а, во-вторых, Виктория понимает, что Альбина не злая вредина, а хороший веселый человек со своеобразным

чувством юмора. Подчас с весьма своеобразным, но ведь главное, чтобы человек был хороший.

У Константина, как оказалось, чувство юмора было еще своеобразнее, чем у Альбины. Когда Виктория узнала, что в шаферы жених решил пригласить их лучшего друга, она сначала не поверила, подумала, что ее разыгрывают. «Зачем? – спросила Виктория. – Разве больше некого?». «Хочу, чтобы был он», – ответил Константин, никак не комментируя свое «хочу». Удивительно, но Валерка принял приглашение. «Это отдает «мылодрамой», – обеспокоенно сказала Альбина, которой предстояло выступать в роли подружки невесты. – Как бы чего не вышло...». Виктория тоже опасалась, как бы чего не вышло, но изменить ничего не могла. Шафера приглашает жених, его прерогатива. Объяснять, что Валерке роль шафера на их свадьбе может быть неприятна, не было необходимости. Константин не ребенок, сам должен понимать. Поломав голову над тем, какие мотивы руководили Константином – простота или коварство, Виктория сделала выбор в пользу простоты и с головой окунулась в приятные предсвадебные хлопоты. Обида на Константина, однако, осталась. Небольшая, но все же достаточная для того, чтобы не менять фамилию. Так и осталась Викторией Сергеевной Ряжинской, хотя Виктория Сергеевна Вишнякова тоже звучало неплохо. «Ты все знала наперед, – скажет спустя шесть лет Альбина. – Знала, но не осознавала». Эх, если бы так...

Опасения оказались напрасными. Свадьба прошла заме-

чательно и заслуга в том была Валеркина, хотя Константин считал, что это он сумел все так замечательно организовать. На самом же деле, он только высказал пожелания, а их воплощением в жизнь занимался Валера, организатор высшего дана. Во время свадьбы Виктория случайно заметила, какие теплые взгляды бросает ее мать на Валеру и только тогда догадалась, что он нравился ей больше, чем Константин. Кавалеров они с мамой никогда не обсуждали, мама вообще не вмешивалась в личную жизнь Виктории, считая, что есть сферы, в которых даже самый близкий человек не может быть хорошим советчиком. И вообще, обжегшись на собственном примере, она считала все браки, мягко говоря, обреченными. «Какая у нас любовь была с твоим отцом! – вспоминала она, вздыхая через слово. – Он меня на руках носил, дня друг без друга прожить не могли, собирались жить долго и счастливо, умереть в один день, а вышло вот как...». Отца своего Виктория почти не помнила. Он ушел из семьи, когда ей было полтора года, и с тех пор не давал о себе знать. На алименты мать не претендовала из гордости, о причинах расставания не распространялась, говорила «просто устали мы друг от друга», но по тому, как замирал при этом ее взгляд, можно было догадаться о том, что недоговаривала она многое. Неизвестно почему, но у Виктории было предчувствие, что они с отцом когда-нибудь встретятся. Предчувствие не сбылось или, если можно так выразиться, сбылось частично. Виктория узнала подробности об отце по-

сле его смерти. Вдобавок, неожиданно получила наследство, причем солидное. Что-что, а невыплаченные алименты отец воздал сторицей, жаль, только, что мама об этом не узнала. Они с отцом когда-то собирались умереть в один день, но умерли в одном и том же месяце, с разрывом в двадцать дней, сначала она, потом он. Оба скончались скоропостижно, от сердечного приступа, такое вот совпадение. Правда о смерти отца Виктория узнала лишь спустя пять месяцев, когда ее нашел адвокат. В начале девяностых отец вспомнил о своих немецких корнях и эмигрировал в Германию. Осел в Штутгарте, женился на немке, которая была на двадцать с лишним лет старше его. У немки был доходный дом в центре Штуттгарта, десять двухкомнатных и две однокомнатные квартиры. После ее смерти дом перешел к отцу, а от него — к Виктории.

В каждой бочке меда непременно найдется ложка дегтя. С этого неожиданно свалившегося на Викторию наследства у них все и пошло наперекосяк. Дом приносил стабильный, весьма неплохой, особенно по российским меркам, доход — около пятидесяти тысяч евро в год. Пятнадцать процентов брала за услуги управляющая компания с непроизносимым названием, сорок с небольшим «хвостиком» оставалось Виктории. Константин, обзаведшийся к тому времени автосервисом неподалеку от станции метро Пражская, почему-то решил, что Виктория должна продать дом, а деньги вложить в семейное дело. Особо не настаивал, но ожидал этого и на-

деялся, что если не сразу, то со временем жена поймет, что один автосервис – хорошо, а сеть автосервисов еще лучше.

Константин был не просто увлечен своим бизнесом, он им бредил. В прямом, ну, почти в прямом смысле этого слова. Бормотал во сне то про слесарный цех, то про кузовной, утром, едва проснувшись, звонил на приемку (сервис работал круглосуточно) и интересовался, как прошла ночь. Всякий раз, отбывая в отпуск, говорил «Ну, теперь отдохну пару недель», но едва приехав на место, начинал названивать на работу. Или ему оттуда названивали без конца. Когда-то Виктория этому удивлялась, одно время, даже, сочувствовала мужу – надо же, никогда покоя нет, бедолаге, пару раз попыталась объяснить, что правильная организация бизнеса не подразумевает личного участия владельца в решении всех мало-мальски важных вопросов, а потом привыкла. Или, если уж говорить начистоту, делала вид, что привыкла. «Если мужчина не увлекается делом, то он увлекается бабами», успокаивала Альбина. «Лучше бы бабами!» – отшучивалась Виктория, имея в виду, что ни одна любовница не отнимет столько времени, сил и эмоций, сколько отнимают тридцать пять сотрудников. Шутила, шутила, и в какой-то момент дошутилась. Правильно же говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо».

У Виктории на наследство были свои виды. Скопив доходы за несколько лет, она собиралась открыть дизайнерское агентство. Кроме того, часть их можно было использовать

для лечения от бесплодия за границей, если выяснится, что дома проблему решить не удастся. Проблему Виктория начала решать на третьем году семейной жизни и решала до сих пор. Постепенно походы по врачам, все эти УЗИ и анализы, стали привычными жизненными ритуалами. Врачи выравнивали гормональный фон, лечили от эндометриоза и еще от ряда болезней, дотошно выясняли, нет ли проблем с иммунологической совместимостью, обнадеживали, советовали набраться терпения... Виктория пунктуально выполняла все рекомендации, ей обещали, что скоро, уже совсем скоро будет результат, но результата все не было. «Сколько можно бегать по кругу? – удивлялась Альбина. – Ты же не цирковая лошадь! Кроме экстракорпорального оплодотворения тебе ничто не поможет». Виктории же хотелось, чтобы беременность наступила, если можно так выразиться, естественным путем. Кроме того, ее пугали возможные осложнения. Альбина и сама не раз повторяла, что главная заповедь медицины «не навреди», полностью звучит так: «не навреди – не делай того, без чего можно обойтись». Когда же Виктория надумала, ей вдруг стало не до беременности. Впору было не огорчаться тому, что никак не получалось забеременеть, а радоваться. Рожать нужно от достойных мужчин, так правильнее и спокойнее. Например – от Валеры. Он верный, надежный и, вообще, собрание всех добродетелей. А ценнее всего то, что он ее очень любит. Столько лет ждал, не женился на ком-то другом, надеялся, хотя надеяться уже, ка-

залось, и не на что. Такого хорошего и любящего Валерку полагалось любить так же сильно, но с этим была закавыка. Не Виктория слишком сильно прикипела душой к Константину (было, ведь, было к чему прикипать!), не то она эмоционально «перегорела», не то просто дула на воду, обжегшись на молоке, но любви в полном смысле слова, такой, чтобы дух захватывало и сердце билось в упоении, она к Валерке не испытывала. Ни раньше, ни сейчас. «Оно и к лучшему, – говорила Альбина, – потому что то, что ты считала любовью, нормальные люди называют помешательством. Я вот своего Сашку люблю, но дух у меня от этого не захватывает и сердце не колотится. Во всяком случае, до тех пор, пока он не начинает меня домогаться». «Я не об этом», – робко возражала Виктория. «А я об этом! – ставила точку Альбина. – У тебя вообще не любовь была, а привычка, которую ты приняла за любовь. Вы же с первого класса знакомы и тогда между вами никакой любви не было...» Да – с первого класса. Да – вначале была дружба. Но дружба с Константином переросла в нечто несоизмеримо большее, а с Валеркой нет. Любовь и приязнь – разные понятия, хотя кто его знает, может когда-нибудь и к Валерке появится Чувство. Виктории очень хотелось, чтобы появилось. Валерка, как никто другой, заслуживал любви. Поэтому она успокаивала себя тем, что все приходит в свое время, старалась быть замечательной женой и очень хотела родить от Валерки ребенка. Принято считать, что после рождения первого ребенка от-

ношения между супругами поднимаются на качественно новый уровень. Некоторые из знакомых говорили, что так оно и есть. Альбина утверждала, что все происходит с точностью до наоборот, мол, только после рождения дочери Машки она поняла, какая свинья ее муж. Помогать почти не помогал, но секса от замотанной бессонными ночами Альбины требовал каждый вечер. Впрочем, так подруга говорила, когда пребывала в меланхолии. В хорошем настроении она хвасталась тем, как ловко ее муж менял новорожденной дочери подгузники и ставил газоотводную трубку, а также рассказывала, как сильно ее потянуло на секс сразу же после родов.

В последнее время Виктория морально «созрела» для экстракорпорального оплодотворения. Действительно – сколько можно бегать по кругу и надеяться на то, что вот-вот получится. Оставалось «созреть» физически. Она уже предвкушала радости материнства настолько, что начала присматриваться, не покупать, Боже упаси, а всего лишь присматриваться ко всему малышовому, от пинеток, до кроваток и выбрала, пока только про себя, не обсуждая с Валеркой, комнату, которой предстояло в обозримом будущем (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить), стать детской.

И тут вдруг начались эти проклятые провалы в памяти! Беременеть такой неопределенной ситуации было немножко страшно. А ну как беременность спровоцирует новые приступы? Выставленный самой себе «диагноз» немного успокоил. Желая убедиться в том, что больше никаких сюрпри-

зов она себе не устроила, Виктория убила уикенд на тотальную ревизию всех шкафов и уголков под видом генеральной уборки. Валерка недоуменно качал головой и предлагал позвонить теткам, двум родным сестрам, которые убирались у него до женитьбы, но Виктория категорически отвергла это предложение, сказав, что справится сама. Валерке вообще не нравилось, что она занимается уборкой, он считал, что ей незачем себя утруждать, особенно с учетом того, что они могут позволить себе нанимать домработниц. Виктория на это отвечала, что «когда-нибудь потом», когда появятся дети, домработницы им, возможно, и понадобятся, а сейчас ей совсем нетрудно в субботу с утра пару часов уделять уборке. Тем более, что у таких аккуратных людей, как они с Валеркой, и убирать-то было нечего. Так – пройтись пылесосом, да тряпкой пару раз взмахнуть. Зато уборка давала Виктории ощущение того, что она здесь хозяйка, помогла ей, прожившей всю жизнь в городских квартирах, быстро привыкнуть к загородному дому. Дом Валерка купил давно, вскоре после того, как начал зарабатывать адвокатской практикой. Продал московскую квартиру, взял кредит на недостающую сумму и купил. Виктории и Константину, несколько удивленным таким решением, сказал, что устал от соседей и что, как «потомственный куркуль» всегда мечтал жить в собственном доме, только не мог осуществить свою мечту, пока была жива его мать. Валеркина мать, которую Виктория помнила бодрой, энергичной женщиной, заболев диабетом, в со-

рок с небольшим стала инвалидом. Ожирение, гипертония, проблемы с сосудами, трофические язвы... Валерка совмещал учебу в институте с уходом за матерью, при этом успевал где-то подрабатывать, потому что на стипендию и пенсию инвалида второй группы жить было невозможно. Виктория подозревала, что переезд за город был не столько желанием жить в собственном доме, сколько желанием уехать оттуда, где все – домашняя обстановка, поликлиника, аптеки, напоминало о болезни матери. Соседей тоже не стоило сбрасывать со счетов, те еще у Валерки были соседи, алкоголик на наркомане. Бывают люди с несчастливой судьбой, а бывают такие дома, в которых волей случая или по чьему-то неведомому злему умыслу подбираются жильцы один другого хуже. Валерке «повезло» вырасти именно в таком доме.

Вскоре после переезда, Валерка устроил новоселье. На соседнем доме в то время висел баннер «Продается» и Виктория с Константином, впечатленные местными красотами – дубравой и речушкой, немного помечтали о том, как хорошо было бы купить этот дом.

Хорошо, что не купили.

Хорошо, что у них с Константином не было детей.

Тысячу раз права Альбина, когда говорит: «Что Бог **не** делает – все к лучшему». В этом лучшем из миров все к лучшему – и сделанное, и несделанное.

Но как же славно улыбался Константин! Любую печаль-тоску мог разогнать улыбкой...

«Бог велел делиться»

Письмо было анонимным и лаконичным. В теме стояло «Вниманию Виктории Ряжинской!», именно так, с восклицательным знаком, обратный адрес состоял из семи цифр и названия почтового сервера. Цифры показались Виктории смутно знакомыми. Сперва она подумала, что это чей-то номер телефона, но, перерыв все контакты, ничего похожего на 314-15-92 не нашла. Поиск в Сети сразу же дал ответ. Число «пи», первые семь цифр, только без запятой. Надо же, всплыло из глубин памяти, а ведь казалось, что алгебру она основательно подзабыла.

Возможно, в другой день Виктория просто отправила бы дурацкое письмо в корзину и забыла бы о нем. В другой, но не сегодня, не после серии обескураживающих находок и полной домашней «ревизии». С кем делиться? Это шантаж? Или что-то другое? Она должна с кем-то поделиться? Что еще она успела натворить? Причем, на работе, ведь письмо пришло на рабочий адрес.

Настроение сразу же испортилось. Ничего себе, хорошенькое начало новой рабочей недели...

В студии «Марбина-стиль» понедельники были не просто тяжелыми, а очень тяжелыми днями. По понедельникам владелица и директор Маргарита Борисовна Иневаткина (отсю-

да и «Марбина») за глаза называемая подчиненными Хозяйкой, делилась планами, пришедшими в ее светлую голову за уикенд. По будням Маргариту Борисовну не осеяло, мешала суета.

Планы Маргариты Борисовны требовали немедленного претворения в жизнь, поэтому подчиненным приходилось лихорадочно перекраивать и без того трещащие по швам графики, что неизбежно приводило к накладкам и конфликтам. «Жизнь бьет ключом!» удовлетворенно констатировала Маргарита Борисовна, когда атмосфера в студии накалялась до предела. Нельзя сказать, что Маргарита Борисовна была стервой, получавшей удовольствие от конфликтов. Просто она считала, что творческие люди могут полноценно выкладываться, создавать нечто особенное, лишь в состоянии эмоционального напряжения. Спокойствие и гениальные проекты несовместимы.

– Я считаю, что нам надо принять участие в «Вольном художнике»! – объявила она на утренней летучке. – Надо держать марку!

Кабинет у Маргариты Борисовны был небольшим, поэтому летучки и прочие собрания проходили в офисном зале. Подчеркивая свой демократизм, Маргарита Борисовна отказывалась от стула, который ей традиционно предлагал подхалим Елькин, голубоглазый херувим с душонкой мелкого барышника, и садилась на край его стола. Елькину везло, подхалимам вообще всегда везет, за спиной у Маргариты Бо-

рисовны он мог спокойно заниматься своими делами, а вот остальным полагалось внимательно слушать. Летучки порой растягивались на час, а то и больше. Упущенное время приходилось наверстывать вечером.

– Конечно, надо! – с готовностью поддакнула Ира Филиппова по прозвищу Буратина, высокая, нескладная, длинноногая. – Мы там всех в ключья порвем!

Виктория не смогла сдержать улыбки. Неделей раньше, когда Хозяйке не хотелось участвовать во всероссийском конкурсе «Вольный художник», Ира, презрительно морщась, говорила, что «не взрослое это дело, с детьми в песочнице играть».

– Должны порвать, – поправила Иру Маргарита Борисовна. – Готовьте проекты, я выберу два лучших. Только сразу предупреждаю, чтобы без плутовства. Макс, тебя это особо касается!

Два года назад дизайнер Максим Калиниченко представил заказчику, сети рыбных ресторанов, проект оформления интерьера, полностью «слизанный» с одного нью-йоркского кафе. Хозяйка почему-то его не уволила, хотя за такое обычно полагалось немедленное и безжалостное увольнение. Урезала зарплату, перевела из «перспективных» в «бесперспективные», срывалась на него по поводу и без, и то и дело попрекала былым грехом. Офис-менеджер Настя, любительница триллеров и детективов, считала, что Хозяйка «завербовала» Макса и теперь он доносит ей обо всем, что про-

исходит в студии. Ира-Буратина в пику Насте предположила, что Макс мог вымолить прощение и другим, амурным путем, но эта версия успеха не имела. Невозможно было предположить, чтобы Маргарита Борисовна хоть чуточку заинтересовалась бы блеклым, аморфным, совершенно «никаким» Максом. Она бы скорее могла обратить свое царственное внимание на нордического красавца фотографа Ванечку, прозванного «Ван Гогом» по сокращению от «Иван Георгиевич». Сам Ван Гог был уверен, что это Хозяйка посоветовала Максу «слизать» проект у американцев, а Макс, когда правда выплыла наружу, дальновидно взял всю вину на себя. Виктория же считала, что Маргарите Борисовне нужен «мальчик для битья», чтобы было на ком сорвать зло.

– А может нам лучше сделать какой-нибудь общий проект? – подумала вслух Лена Гананольская, талантливая, но ужасно неуверенная в себе. – Всем вместе?

Лена пыталась самоутвердиться эпатажным путем, экспериментируя со своей внешностью. Творческих людей трудно эпатировать, но Лене это регулярно удавалось. На прошлой неделе она явилась народу «пирсинганутой по самое не могу», как выразилась Ира. От левого уха к «носовому» кольцу по щеке тянулись две тонкие цепочки, увешанные миниатюрными брелочками. Увидев такую красу, бесчувственная Маргагрита Борисовна гаркнула командирским голосом: «Гананольская, снять аксельбанты!». Брызнув на пол слезами, Лена выбежала из офиса и вернулась через полчаса с «го-

лым» лицом. Сегодня же она попыталась взять реванш, выкрасив волосы в цвета радуги и покрыв их прозрачной золотой сеточкой из органзы, которую злоязычный Ван Гог сразу же обозвал «чепчиком».

– Вместе будет свара, дела не будет! – отрезала Маргарита Борисовна. – И, вообще, у нас не колхоз, а...

– Лучшая студия дизайна в России! – с показным энтузиазмом выкрикнул Елькин.

От неожиданности Маргарита Борисовна вздрогнула. Когда за спиной вопят, трудно не вздрогнуть. Вместо одобрительной улыбки Елькин получил укоризненный взгляд и сник. Пока Хозяйка оборачивалась, Виктория успела отправить анониму ответ, тоже лаконичный: «Выражайтесь яснее». Намеренно обошлась без «пожалуйста» и прочих вежливых слов. Какой привет, такой и ответ.

Выдержав небольшую паузу и убедившись, что никто больше не горит желанием высказаться, Маргарита Борисовна огласила следующую новость.

– С будущего месяца у нас появится креативный директор!

Маргарита Борисовна обвела взглядом зал, интересуясь реакцией подчиненных. Народ не спешил реагировать, а молча ждал продолжения.

– Я не могу и не хочу все делать сама! – в голосе Маргариты Борисовны прорезались капризно-раздраженные нотки. – Я погрязаю в рутине и не успеваю заниматься развитием! И

контролем, кстати говоря, тоже! Мне нужен человек, который будет тянуть творческий процесс!

Ира нетерпеливо заерзала на стуле и вытянула сутулую спину, давая понять, что ей есть, что сказать, но Хозяйка махнула рукой, словно отгоняла назойливую муху, погоди, мол, я еще не все сказала.

– Со стороны я никого брать не стану! Я считаю, что руководителей надо выращивать самостоятельно...

Начальник ремонтников Стас, брутально-амбалистый весельчак, изобразил, будто поливает пол из воображаемой лейки. Стас находился на особом положении, потому что никто в студии, кроме него, не разбирался в вопросах ремонта и отделки и не мог руководить рабочими, не самой, надо сказать, приятной для руководства публикой. А еще Стас умел укладываться в самые скудные бюджеты. Маргарита Борисовна полушутя-полусерьезно говорила, что в студии есть два незаменимых человека, она сама и Стас.

– У многих из вас есть шанс...

Маргарита Борисовна снова оглядела зал. Виктории показалось, что Хозяйка на секунду задержала на ней взгляд. Филипповой, видимо, тоже что-то показалось, потому что она снова заерзала.

– У многих! – голос Хозяйки стал строже. – И за этот шанс вам придется как следует побороться. Я пока в раздумьях, хотя, у меня есть и фавориты, и аутсайдеры. Но шанс есть у многих. Причем, не только у дизайнеров...

Офис-менеджер Настя, рыжая плутоватая лисичка, умевшая при помощи косметики превращаться в томную русалку, встретившись взглядами с Викторией, состроила гримасу, давая понять, что уж ей-то повышение точно не светит. Виктория подмигнула в ответ — кто знает, может Хозяйка выберет тебя. В душе у Виктории уже потянуло неприятным холодком. Психологический климат в студии и без того оставлял желать лучшего. Творческие люди эмоциональны, да еще и Хозяйка любила сталкивать сотрудников лбами, а тут еще такая приманка, как пост креативного директора, первого человека в студии после Маргариты Борисовны. Жди нагнетания в геометрической прогрессии...

Одновременно мелькнула мысль о том, почему бы и ей не стать креативным директором? Опыт есть, голова варит хорошо, а еще она умеет ладить с людьми. За все время работы в студии ни разу не стала участницей крупного конфликта, всегда ухитрялась обходить острые углы, договариваться, уговаривать. Филиппова вон даже подпрыгивает от энтузиазма, желая обратить на себя внимание Маргариты Борисовны, а назначь ее креативным директором, так завтра все сотрудники уволятся. Даже супертерпеливый Макс сбежит, потому что под Иркой работать невозможно. Вадик всех изведет придирками, Ленка сама откажется, да ее Хозяйка никогда не назначит, потому что Ленка рохля и мямля... Перебирая в уме кандидатуры, Виктория настолько увлеклась, что перестала слушать Маргариту Борисовну. К реальности

ее вернул густой бас программиста Юры. У Юры была редкая фамилия Паливода и он любил всем объяснять, что в переводе с украинского это слово означает «сорванец», а не человека, который палит воду.

– А можно ли узнать, какие у креативного директора будут плюшки? – спросил он. – Стоит ли овчинка выделки?

Спросить такое, да еще прилюдно, мог только чрезмерно меркантильный и настолько же бесцеремонный Юра. И только ему подобные выходки сходили с рук. Поинтересуясь «плюшками» Виктория или же попробуй она усомниться в том, что «плюшек» может оказаться недостаточно, Маргарита Борисовна тут же устроила бы ей показательную выволочку. Наговорила бы хлестких колкостей (это она умела), вогнала бы в краску, потом, в кабинете, с глазу на глаз, еще бы добавила. А Юрке всего лишь погрозила своим хрупким пальчиком, одетым в кольца, как в броню. Кольцами и перстнями Маргарита Борисовна увлекалась чрезмерно, до полной безвкусицы, надевала на все пальцы, кроме больших, по несколько штук, не сильно заботясь о единстве стиля. Да и разве можно было бы выдержать единство при таком изобильном количестве?

– О плюшках я с тобой, Юрочка, поговорю келейно, когда остановлю выбор на твоей персоне, – сказала Маргарита Борисовна. – И вообще, о плюшках потом. Сейчас надо поговорить о шишках. Хорошие новости закончились, настало время плохих...

Сотрудники замерли в тревожном ожидании. Филиппова перестала ерзать и втянула голову в плечи. Макс, давно привыкший к незаслуженным упрекам, нервно оглянулся по сторонам. Менеджер по продажам Света Дунаева едва слышно вздохнула и нервно дернула разлапистым кончиком своего утиного носа. Все знали, что Света копит на пластическую операцию, причем не где-нибудь, а непременно в Швейцарии.

Плохие новости у Маргариты Борисовны всегда были плохими на самом деле, без какого-то либо преувеличения. Виктория подумала, что создав новую должность креативного директора, Маргарита Борисовна непременно должна кого-то сократить. Ничего личного, простой баланс. Если в одном месте прибыло, значит, в другом должно убавиться.

– У нас в студии завелась крыса! – Маргарита Борисовна сурово сдвинула брови. – Точнее – гадина!

– Змея?! – ахнула бухгалтер Даша Гусарова. – Где?

Даша хорошо разбиралась в бухгалтерии, но во всем остальном была сущим ребенком, доверчивым и восторженным. У нее и лицо было детским – круглым, с ямочками на щеках и широко распахнутыми глазами. Ладно крыса, еще куда бы ни шло, но откуда в офисном здании в центре Москвы взяться змее?

– Я образно, Даша! – Маргарита Борисовна недовольно поморщилась. – Среди нас находится вражеский агент. Кто-то из сидящих передо мной сливает информацию о наших

заказчиках и проектах конкурентам!

– Обана! – вырвалось у фотографа Ванечки.

– Долбана! – в рифму ответила Маргарита Борисовна. – И не думайте, что я внезапно заболела манией подозрительности или решила подбросить вам квест. У меня есть доказательства. Все приводить не стану, это долго и ни к чему, назову три. Первое – кто-то информировал Гуся о наших переговорах с «Ликвем-компани». Как мне стало известно, Гусь предложил им те же преференции, что и мы, но при этом упал на две штуки баксов ниже нашей планки. В результате «Ликвем» заключила контракт с ним, а не с нами...

Гусь, он же Рудольф Гусинский, владелец арт-лаборатории имени себя, был одним из главных конкурентов Маргариты Борисовны. Помимо деловой неприязни, они испытывали друг к другу и глубокую личную. Что-то там когда-то произошло между ними такое, никто не знал, что именно, но большинство предполагало любовь.

– Может, сам директор «Ликвема» ему и сказал, – предположил Стас. – Сдал нас, чтобы Рудольф прогнулся. Это же логично и...

– Не путай тендеры в серьезной фирме с вашими пролетарскими терками! – сердито оборвала Маргарита Борисовна. – «Ликвем» собрал предложения и выбрал самое выгодное. За шоколадку мне удалось взглянуть на предложение Гуся. Это была точная копия нашего предложения, только с более низкой ценой. Вы можете думать что хотите, но я не

верю в такие совпадения!

– Я тоже не верю! – заявила Филиппова и огляделась по сторонам, словно пытаясь угадать «вражеского агента».

– Может, он просто влез в нашу сеть? – предположила Ганнапольская.

– Исключено! – ответил Юра, отвечавший за виртуальную безопасность. – Хакнуть нас теоретически можно, но невозможно сделать это незаметно. Мы с Владиком не лаптем щи хлебаем...

– А сапогом! – неожиданно пошутил Макс и все, кроме Маргариты Борисовны заулыбались.

Юра покосился на Макса, но отвечать не стал. Степенным, старинно-купеческим жестом, огладил бороду и уставился на Маргариту Борисовну.

– Второе – Гусь увел у нас из-под носа торговую сеть «Остров вкуса», – Маргарит Борисовна закатила глаза и покачала головой, давая понять, сколь тяжела для нее эта потеря. – По той же самой схеме, с точно такими же условиями и примерно такой же разницей в цене. Если бы он демпинговал вслепую, не было бы стольких совпадений. Подозреваю, что все клиенты, которые вдруг «виляли хвостами» в последнее время, ушли к Гусю. Подтвердить свои подозрения не могу, но интуиция подсказывает, что так оно и есть. И третье доказательство, которое вообще-то надо было привести первым. Гусь рассылает нашим постоянным клиентам предложения о сотрудничестве...

– С теми же предпочтениями, но немного дешевле! – встрял Елькин.

– Ты потрясающе догадлив! – не оборачиваясь к нему, съязвила Маргарита Борисовна. – Может, еще и имя крысы мне назовешь?

– Знал бы – придушил своими руками! – верноподданно ответил Елькин, пытаясь предать своему ангельскому личику выражение суровой свирепости. – Ненавижу предателей!

Виктория подумала о том, что крысой вполне может оказаться Елькин. На него похоже, скользкий он, как угорь, и мутный, как вода в луже. И еще есть древнее правило, согласно которому громче всех кричат «держи вора!» сами воры. Придушил бы он! Как бы не так! Однако, в студии будет беспокойно. Конкурс, перспектива повышения и охота на шпиона, это гремучий коктейль. Взрывы не заставят себя ждать. Ой, что будет... Нет, когда она сама станет Хозяйкой, она не будет вести себя так, как Маргарита Борисовна. Вот какой смысл в том, чтобы рассказывать на летучке про «вражеского агента»? Неужели Маргарита Борисовна рассчитывала на то, что он признается или как-то выдаст себя. Вычисляла бы втихаря, скорее бы вычислила. И про должность креативного директора лучше объявлять тогда, когда уже выбрала, кого назначить. «Стимулировать не всегда означает раздражать», как говорит Альбина. Плохо начинается неделя... И еще это дурацкое письмо...

– Я не ограничусь увольнением! – пообещала Маргарита

Борисовна, грозно сверкая глазами. — Я эту гадину за решетку засажу. По статье о разглашении коммерческой тайны. И Гусинского привлеку, как организатора! И впишу имя гадины во все черные списки на свете! Чтобы все знали, с кем имеют дело! Надо же — пригрела змею у себя на груди!..

Никто не дрогнул, не впечатлился, не признался и, вообще, никак не отреагировал. Только у Стаса, при упоминании о пригретой змее, дрогнули уголки губ так, словно он хотел улыбнуться, но сдержался. Не иначе как представил, как Хозяйка пригревает змею на своем внушительном бюсте, который при хрупком телосложении казался особенно большим.

Ответа от «Числа Пи» не пришло ни в понедельник, ни во вторник. В среду утром Виктория удалила эту переписку, убедив себя в том, что это чья-то шутка. Письмо было отправлено вечером в воскресенье, возможно, аноним был пьян, а протрезвев поспешил забыть о своей проделке. Виктория сохраняла только нужные письма, к тому же дурацкое письмо могло бы сослужить ей дурную службу. Вдруг Маргарите Борисовне вздумается проверить почту сотрудников. Вполне может вздumаться, ей и не такое могло в голову прийти. Увидев странную переписку, Маргарита Борисовна заподозрит в ней скрытый смысл и решит, что сливом информации налево занимается Виктория. Лучше удалить. Так спокойнее.

Звонок Константина застал Викторию врасплох. Стоя с утюгом в руке возле гладильной доски можно ответить на звонок, не посмотрев на дисплей – некогда.

– Добрый вечер, – как ни в чем не бывало, сказал Константин. – Есть минутка?

– Добрый вечер, – чуть помедлив, ответила Виктория, устраивая утюг на подставке. – Есть.

Проклятая вежливость! Нет бы ответить: «у меня для тебя больше никогда не будет минутки!» и отключиться. Альбина так бы и сделала. Любая нормальная женщина так бы сделала. О чем им разговаривать? Ведь уже скоро год, как они развелись!

Уже год... Триста шестьдесят пять дней... Сколько-то там часов... А если пересчитать на секунды, то получается такая грандиозная цифра, что волей-неволей понимаешь – год это целая вечность... За эту вечность Константин ни разу ей не звонил. Виктория не знала, общались ли между собой ее бывший и нынешний мужья. Возможно, что и общались, сталкиваясь где-то там, за пределами ее мира, но Валерка об этом не рассказывал. Он был настолько тактичен, что вычеркнул Константина даже из воспоминаний. Не произносил его имени, когда их разговоры случайно уходили в прошлое, да и вообще сам таких разговоров не заводил, это Викторию

иногда на них пробирало. Копаясь в прошлом она, сама того до конца не осознавая, пыталась найти там как можно больше ниточек, связывавших ее и Валерку, найти хотя бы один, продолжавший тлеть уголек, чтобы разжечь от него новый костер. Сама она не обходила Константина, когда воспоминания выводили на него. Если обходить, то никогда не отпустит. Прошрое не выбросить на помойку, жизнь начинается с чистого листа один-единственный раз, в момент рождения и никогда больше.

– Как жизнь?

– Так, – ответила Виктория.

– Так себе или так, как надо? – уточнил Константин.

– Так, как есть.

– У меня тоже так...

Разговор начал напоминать игру в теннис, только вместо мячика они перебрасывались одним и тем же словом. Чувствовалось, что Константину надо разогнаться и ясно было, что позвонил он не просто для того, чтобы спросить, как дела. Виктория выдернула вилку утюга из розетки и села в кресло. В двенадцать лет она, заболтавшись по телефону с подружкой, позвонившей так же вот, во время глажки, сожгла юбку и едва не устроила дома пожар. После того случая выработался рефлекс – прежде, чем отойти от утюга хоть на шаг, его надо выключить. «Я всего лишь на секундочку» и «я же не выхожу из гостиной» не оправдание. Секундочки имеют обыкновение превращаться в минуточки и сорваться

с места можно в любой момент. Хотя бы для того, чтобы открыть дверь Валерке. Бывший муж выбрал время для своего звонка удачно, при Валерке Виктория не стала бы с ним разговаривать – неловко.

– Ничего нового, такое ощущение, что жизнь замерла на месте...

«Ничего нового» Константин произнес так многозначительно, что эти два слова развернулись в: «я пока еще один, никаких серьезных отношений у меня нет».

– Почти год прошел...

После каждой фразы Константин делал паузу, то ли собиравшись с мыслями, то ли давал Виктории возможность подхватить разговор, но подхватывать как-то не хотелось.

– Годовщину отмечать собираешься?

– Не знаю, – машинально ответила Виктория, еще не успев удивиться идиотизму вопроса.

Как Константин представляет себе отмечание годовщины развода? Они встретятся, посидят где-нибудь, расскажут друг другу, как хорошо им живется порознь, обменяются подарками и условятся о следующей встрече через год? Или пригласить его в гости, на барбекю? Апрель, сезон шашлыков можно считать открытым. Пока нынешний муж будет возиться у мангала, можно будет пошептаться на террасе с бывшим? Бред какой-то! Константин, должно быть, пьян, если порет такую чушь! Надо непременно рассказать Альбине – пусть посмеется...

Альбина обозвала их развод «игрушечным». «Вам разойтись – раз плюнуть, – говорила она. – Просто разойтись и все, в прямом смысле этого слова. Детей нет, квартира у каждого своя, разменом заниматься не надо, делить имущество тоже не надо... Это же не развод, а мечта идиота!» Мечта идиота, так оно и есть. У Альбины талант подбирать правильные слова. На первый взгляд может показаться, что она несет чепуху, но если вдуматься, то вся ее «чепуха» имеет глубокий смысл. Только идиоты могут мечтать о таком разводе... Нечего делить? А если кусочек души остался там, в прошлой жизни, это как? Считается дележкой?

– Я тоже не знаю, – сказал Константин. – С одной стороны – дата. С другой нечего праздновать. Хотя, праздновать и отмечать разные вещи. Это как с покойниками, можно посидеть, вспомнить. С той только разницей, что мертвые не воскресают, а...

– А разбитый горшок нельзя склеить так, чтобы снова наливать в него воду! – перебила Виктория, чувствуя, что начинает раздражаться. – Давай, ближе к делу! Что ты хотел мне сказать?

– Я хотел тебе сказать, что ты не будешь счастлива ни с кем, кроме меня. И еще много чего хотел сказать, но это самое главное...

«Точно – напился, – утвердилась в своем подозрении Виктория. – На трезвую голову такого бы не ляпнул».

– Отчасти ты прав, – согласилась она, стараясь говорить

как можно спокойнее. – Я действительно никогда уже не буду чувствовать себя такой счастливой, как когда-то с тобой. Но это было, было и прошло. Прощай.

– Ты знаешь меня... – начал Константин, но Виктория не стала слушать дальше.

Эту фразу Константин повторял как мантру. «Ты знаешь меня столько лет, но веришь не мне, а какой-то твари, которую ты и в глаза не видела!». Да, столько лет... Но разве время – это показатель? Как говорит Альбина: «Можно всю жизнь есть картошку, но так и не стать ботаником». И обстоятельства складываются по-разному. Иной раз так сложатся, что поверишь и незнакомому человеку. Суть не в знакомстве, а в том, что и как тебе скажут...

– Это Виктория Сергеевна?

Голос был незнакомым и каким-то робким. Девушки из клиники или из банка говорили более напористо, а потенциальные клиенты, редко, но звонившие по домашнему номеру, спрашивали Викторию или Викторию Ряжинскую. Виктория подумала, что это звонят очередные сетевые распространители. Что на этот раз? Новый чудо-пылесос или набор молодильной косметики? Полгода назад такая вот трепетная лань пыталась продать Виктории по телефону чудо-массажер, избавляющий от всех болезней. Так и говорила: «от всех».

– Да, это я, – ответила Виктория. – Можно узнать, с кем я разговариваю и откуда вы взяли номер моего телефона?

– Ваш номер лежит под стеклом в диспетчерской, а меня зовут Аня Мартинкевич...

– Так вы из сервиса, – констатировала Виктория. – А Константина Александровича нет дома. Звоните ему на мобильный.

– Я бы хотела поговорить не с Константином Александровичем, а с вами.

– Со мной? – удивилась Виктория. – О чем?

– О Константине Александровиче...

В трубке фоном был слышен шум, но не специфический «сервисный», а уличный. Аня Мартинкевич звонила явно не из сервиса. Привычка догадываться раньше, чем будут даны объяснения тут же подкинула версию – у Константина скоро день рождения, наверное, Аня хочет проконсультироваться по поводу подарка. Для того и звонит с улицы, чтобы Константин ненароком не услышал.

– Говорите, я вас слушаю, – подбодрила Виктория замолкшую собеседницу.

– Я прошу правильно меня понять, Виктория Сергеевна, – голос Ани зазвучал увереннее. – Я ни на что не претендую и не хочу сделать вам больно. Я просто хочу, чтобы вы знали правду, знали с каким человеком вы живете...

Виктория ущипнула себя за мягкое место, проверяя, не сон ли это. Не хочу сделать вам больно? Хочу, чтобы вы знали правду? Что за мелодраматические обороты? И почему фамилия Мартинкевич кажется ей знакомой?

– Константин Александрович совсем не такой, каким кажется...

– Все мы не такие, какими кажемся! – строго и сухо сказала Виктория. – Говорите, пожалуйста, конкретнее. У меня мало времени!

Про время она не соврала, потому что «причесывала» дома проект, который завтра надо было представить заказчику. Часы показывали половину десятого, а работы еще оставалось изрядно.

– Я тоже тороплюсь, у меня скоро поезд, – ответила Аня, и, как показалось Виктории, ответила с вызовом. – Дело в том, что у нас с Константином Александровичем был роман. Я ни на что не надеялась и не претендовала, просто он мне нравился. Ну и работа хорошая, не хотелось терять, тем более, что платит Константин Александрович аккуратно, без задержек, этого у него не отнять...

Виктория вспомнила, где она слышала фамилию собеседницы. На прошлой неделе Константин упоминал ее в телефонном разговоре. Кажется, он говорил о поиске нового диспетчера на место Мартинкевич.

– Я говорила Константину Александровичу, что ни на что не претендую и не стану создавать ему проблем, но когда наши отношения пошли на спад, он решил меня уволить. Я бы сама ушла, если бы он мне так и сказал, но он поступил иначе. Обвинил меня в том, что я пропускаю левые заказы и вышвырнул за дверь. Заодно пострадал и один из мастеров.

Только потому, что он мой земляк, с Могилева. Так сказать, за компанию. Должна же я передавать кому-то левые заказы...

Если бы с потолка ударила молния или в окно влетела верхом на метле Баба-Яга, то Виктория удивилась бы меньше. У Константина любовница? Он ее вышвырнул из сервиса? Какая чушь! В том, что говорит Аня Мартинкевич нет ни слова правды! Нет, есть! Константин ее действительно уволил, но не просто так, из прихоти, а за дело! Константин если кого и увольняет то заслуженно, он очень справедлив к людям. Он уволил Аню, а та решила отомстить! Если бы у Константина была любовница, то Виктория это непременно бы почувствовала. Известно как, но почувствовала, такие вещи всегда чувствуются. А у Константина все чувства на лбу написаны, он же такой бесхитростный. С порога видно, что у него за день был сегодня, какая выручка, какие клиенты... И то, что он иногда приезжает домой под утро, еще не показатель. Автосервис, тем более такой большой, дело хлопотное, а Константину непременно надо держать все под контролем, такой уж у него характер.

– Вы мне, наверное, не верите, Виктория Сергеевна, – словно прочитав Викторины мысли, сказала Аня. – Я понимаю, я бы и сама на вашем месте не поверила бы. В сервисе тоже все думают, что мы с Володи́ей левачили. Я не собираюсь никому ничего доказывать, я вообще решила уехать домой, не прижилась я в Москве, не мой это город. Но если хотите,

я могу доказать вам, что говорю правду...

– Фотографии нафотошопили? – ехидно спросила Виктория. – Или свидетеля приведете, который видел, как вы с моим мужем целовались в его машине? Учтите, я этому не поверю. Не первый год на свете живу...

– У вас дома зубные щетки стоят в оригинальном стаканчике, – Аня говорила быстро, словно боялась, что Виктория не даст ей договорить. – Он похож на зуб и сверху четыре дырочки. В вашей спальне стоит торшер на трех тонких ножках, а кровать в тот день, когда Константин Александрович приводил меня домой, была застелена шелковым бельем, голубым с белым морозным узором. Наверное, это очень дорогое белье, я никогда раньше такого не видела. Извините, мне пора.

Виктория долго держала трубку у уха, слушая короткие гудки. Мысли ее походили на гудки – отрывистые, пронзительные. Это правда... Правда... Правда... Константин... Правда... Правда... Правда...

Константин никогда не приглашал домой кого-то сотрудников, разве что во время редких его болезней курьер мог привезти домой документы, которые нужно было срочно подписать. Но курьеры не проходили дальше прихожей, а уж в спальню так и вообще никто посторонний, кроме домработницы (тогда была домработница) не заходил. Гостей они принимали в гостиной или на кухне, в зависимости от ситуации, кто-то бывал в комнате Константина, которая гордо

называлась кабинетом, но больше походила на мастерскую после погрома, такой там царил хаос. Ну, еще мог пройти в спальню врач, когда кто-то из них болел. Допустим, Константин мог сказать кому-то на работе про трехногий торшер. Маловероятно, но могло такое случиться. Увидел какую-нибудь железяку на трех ножках, мало ли там у них железяк и сказал: «похоже на мой торшер». Мог упомянуть про прикольный стаканчик, который им подарила Альбина, любящая делать маленькие подарки без повода, просто так, хорошего настроения ради. Но чтобы Константин обсуждал на работе постельное белье, Виктория даже представить не могла. Постельное белье, скатерти, занавески, полотенца, салфетки в его понимании были «тряпками», которые человеку с техническим складом ума и замечать не к лицу, не то, чтобы о них говорить. Висит «тряпка» на окне, от солнца защищает – вот и хорошо, а что именно там за тряпка, неважно. Доходило до курьезов. Виктория могла обновить занавески в гостиной под цвет обивки нового дивана, прождать напрасно какой-то реакции от Константина, порасстраиваться немного из-за отсутствия этой реакции (старалась же, долго выбирала!), забыть обо всем и спустя полгода услышать от Константина: «Ой, я смотрю у нас новые тряпочки?! Симпатичненько...» Не сразу и сообразишь, что он имеет в виду. Постельное белье Константин делил на две категории – чистое и грязное. Виктория сомневалась, что он вообще способен отличить шелк от сатина. Не говоря уже о том, чтобы рас-

сказывать инженерам в сервисе про красивое шелковое белье из настоящего тутового шелка сорта малбери, подаренное самой себе Викторией на день рождения. Виктория обожала настоящее шелковое белье. Разве какая-то ткань может сравниться по нежности с натуральным шелком? А по красоте? На красивом белье и спится лучше и любится сладостнее и, вообще, все красивое улучшает настроение, а, значит, продлевает жизнь.

Как он мог?!! Как?!!

Обида и гнев смешались в Настоящее Горе. Слезами горю не поможешь, но невозможно было обойтись без слез. Наплакавшись всласть, Виктория метнулась из гостиной в спальню, достала из шкафа злополучный комплект белья, отнесла в ванную, засунула в стиральную машину и запустила стирку в самом длинном и самом горячем режиме. Едва в недрах машины зашумела вода, передумала и решила, что лучше было бы не стирать, а выбросить оскверненное изменой белье, потому что спать она на нем все равно уже никогда больше не сможет. Она вообще сегодня поспит на диване в гостиной, а завтра купит новое белье и предупредит квартирантов, живущих в ее квартире, что им следует искать себе новое жилье. Месяц можно пожить в гостиной, как-нибудь потерпеть присутствие Константина... А можно снять квартиру на короткий срок и съехать прямо завтра...

Мысли путались в голове, сердце сжалось от боли, только что выпланный комок снова встал в горле... Забыв о

том, что собиралась выбросить постельное белье, Виктория вернулась к ждавшему ее в гостиной ноутбуку, закрыла все файлы проекта, потому что работать сейчас не могла, набрала в поисковике «срочно снять квартиру в Москве на короткий срок» и начала просматривать варианты. Толком ничего не видела – мешали слезы, а если что и видела, то в голове это не откладывалось, потому что там от других мыслей было тесно, но исправно пялилась на экран и щелкала мышкой. Делала вид, что занимается делом. Любое дело, даже самое бессмысленное, хорошо тем, что помогает держать себя в тонусе.

За «просмотром» вариантов ее застал Константин. Заволновался, решил, что жена заболела, а когда она рассказала ему про звонок Ани, прямо все так и выложила, ни прибавив, ни убавив, начал все отрицать. Огульно и бездумно. Орал (у них очень редко до крика доходило, считанные разы, а до такого вообще никогда), что все это ложь, что Аня – сволочь и тварь, что уволил он ее за дело, что она сначала грозила ему судом, а потом, когда поняла, что в суде ничего не добьется, решила отомстить таким вот образом, хоть как-то, но уесть. Даже Валерку приплел в «свидетели», сказал, что консультировался с ним по поводу Аниных угроз. Позвони, мол, спроси, если мне не веришь. Виктория, разумеется, звонить Валерке не стала, потому что факт консультации ничего не объяснял. Позже, уже после того, как они с Валеркой пожеились, вспомнила и спросила. Валерка подтвердил, что да,

было такое, но особо вдаваться в подробности не стал – адвокатскую этику он блюл строго и ни для кого, даже для Виктории, исключений не делал. И никогда не рассказывал дома ничего о клиентах, даже без имен. Когда Альбина как-то раз пристала к Валерке с просьбой рассказать интересный случай из практики и никак не желала отставать, Валерка, к великому удивлению Виктории, уступил и начал рассказывать про мошенника, пытавшегося устроиться на работу в банк под чужим именем с целью ограбления. Но очень скоро до Виктории с Альбиной дошло, что они слушают в достаточно вольном пересказе один из рассказов о Шерлоке Холмсе. В этом весь Валерка – на уступки из вежливости он пойти может, но того, чего не хочет, все равно не сделает, ни под каким соусом.

На вопрос о том, как могла Аня узнать про торшер, стаканчик для щеток и постельное белье, Константин ответил: «Не знаю, ляпнула наугад и случайно совпало!». Этот ответ задел Викторию больше, чем сам факт измены. Наугад? Совпало все три раза, да еще так точно? Неужели Константин считает ее такой душой? Неужели он думает, что она может удовлетвориться подобным объяснением? Мало того, что изменил, причем не просто изменил, а занимался любовью дома, на их кровати, на ее любимом постельном белье, так еще и издевается! Лучше бы уж придумал, что Аня сняла слепки с ключей и в их отсутствие побывала у них дома, чтобы узнать, что надо говорить Виктории. Скорее можно пове-

ритель в то, что Аня могла с первого раза угадать четырехзначный код сигнализации, нежели поверить в «случайное совпадение» с постельным бельем, торшером и стаканчиком. Ну и очень бурная реакция Константина тоже заставляла задуматься. Уж очень нахраписто он себя вел. И все время повторял: «Ты знаешь меня столько лет, но веришь не мне, а какой-то твари, которую ты и в глаза не видела!». Если бы Константин признался в измене, попросил бы прощения, пообещал бы, что больше никогда не позволит себе ничего подобного и исправил бы ситуацию с незаслуженно уволенными сотрудниками, то Виктория могла бы и простить. Поплакала бы и простила. Может, когда-нибудь оно бы и аукнулось, это прощение, может впоследствии они все равно бы развелись, но тогда бы развода не случилось. Она бы дала Константину шанс исправить ошибку. Если человек раскаивается в содеянном, он заслуживает шанса, хотя бы одного-единственного, но заслуживает. Но Константин и не думал раскаиваться, стоял на своем с упорством, которым в иной ситуации можно было бы восхищаться. За день до подачи заявления о разводе, предпринял атаку, видно вспомнил, что нападение есть лучший способ защиты. Говорил о том, какую непоправимую ошибку совершает Виктория, предлагал поехать в Белоруссию к Ане, которая якобы не отвечала на звонки, и потребовать от нее объяснений. Потом совал в руки Виктории свой мобильник, предлагая позвонить какому-то Федору, не постоянному клиенту, ставшему приятелем, не то

наоборот и послушать, как Аня предлагала ему ремонт машины без оформления за полцены. Потрясающая наивность или ужасающая наглость. Ну, явятся они внезапно к Ане, а что дальше? Она повторит свой рассказ, а Константин скажет, что Аня врет. Возможно, Аня растеряется или смутится и он истолкует это как доказательство того, что она якобы лжет. Да и захочет ли Аня с ними разговаривать? А свидетельство приятеля Федора – это вообще детский сад. Приятель приятеля в такой ситуации всегда выручит, как и подруга подругу. Если Виктория попросит Альбину «прикрыть» какой-нибудь грех перед мужем, Альбина не откажет. Может и выскажет все, что думает по этому поводу, но прикроет, можно не сомневаться.

Атак было несколько. Последнюю Константин предпринял после получения ими в ЗАГСе свидетельств о расторжении брака. Вышел на улицу, улыбнулся, но не как обычно, а сдержанно, вполсилы и предложил порвать «эти пакостные бумажки», пустить клочки по ветру и «начать все заново». И смотрел при этом так, как будто всерьез рассчитывал на то, что Виктория согласится. Но она не согласилась.

Голубой шелковый комплект с кружевными узорами, которые Аня назвала «морозными», Виктория подарила домработнице Саяре. Та сначала не хотела брать, долго отказывалась, а потом вдвое дольше благодарила и повторяла, что с таким «ханским» приданым ее младшая, шестая по счету, дочь, будет считаться лучшей невестой в Намангане. Викто-

рия порадовалась за далекий Наманган, в котором так просто можно было получить титул лучшей невесты.

– Наконец-то я тебя поймал!

Программист Юра уже который день кидал многозначительно-выразительные взгляды на Викторию, но она предпочитала их не замечать. Ясно было, что Юра, терзаемый вечною нуждою, снова ищет, у кого бы занять денег. Виктория, со своим стабильным доходом в твердой евровалюте, была самой подходящей кандидатурой для того. Взаимы у нее просили часто, причем суммы озвучивали внушительные. Кому-то удачно подвернулась «тойота»-двухлетка в идеальном состоянии и за хорошую цену, кому-то захотелось срочно обновить обстановку, кто-то перезанимал, чтобы отдать старые долги, даже на новую грудь пытались занять, подкрепляя свою просьбу коварным манипуляторским ходом: «ты меня поймешь, как женщина женщину». Виктория все понимала, но на просьбы отвечала отказом. Не потому, что жадничала или вредничала, а потому что не хотела осложнений. Недаром же говорится, что если хочешь потерять друга, то одолжи ему денег. На обиженное «почему нет?», Виктория честно отвечала, что по ее убеждению служебные романы создают гораздо меньше проблем, чем «кредитные» отношения с коллегами. Особо настойчивых посылала. Не по каким-то вульгарным адресам, а на первый этаж бизнес-центра, в котором располагалась студия. На пер-

вом этаже находились отделения трех разных банков – российского, немецкого и итальянского. Сравнивай условия и оформляй кредит!

Если бы жизненные события было бы можно переигрывать заново, Виктория сохранила бы свое наследство в строжайшей тайне от всех. Не стала бы рассказывать никому о письме адвоката, а по поводу потребовавшегося отпуска соврала бы что-нибудь. Например, что нужно срочно поехать на обследование. Но письмо адвоката поначалу показалось Виктории «разводкой», «письмом счастья» от мошенников, отслеживавших родственников эмигрантов, поэтому Виктория и рассказала о нем на работе. Прикольно же. А потом поделилась радостью, не смогла удержаться. Большинство проблем люди создают себе собственными руками.

Принципиальность, обычно, вызывает уважение. Если кто-то и обижался, то ненадолго, дня на два. Отказывать всем проще, чем кому-то отказывать, а кому-то нет. Только Ира Филиппова, не получив денег на пластическую операцию, дулась две недели, но Виктория совершенно бы не расстроилась, если бы Ира обиделась на нее навсегда. С кем с кем, а с Филипповой ей совершенно не хотелось общаться. У Иры, что ни слово, то шпилька, что ни фраза, то яд. Противно. К тому же с Ирой нельзя было решать рабочие вопросы устно. Она запросто могла подвести или подставить намеренно, а после хлопать глазами и клясться, что ей такого не поручали, ее не предупреждали и т. п. Нет, только пере-

писки, чтобы в нужный момент можно было открыть нужное письмо, ткнуть Буратину в него носом и отправить копию переписки Маргарите Борисовне, иначе никак.

Нет правил без исключений. Альбине Виктория не задумываясь одолжила бы столько, сколько та попросила, потому что была уверена в том, что их дружбу никакие «кредитные» отношения не осложнят. Но Альбина никогда не просила денег, она вообще не любила влезать в долги. Чтобы жить спокойно, надо тратить меньше, чем зарабатываешь, таково было одно из ее главных правил. В этом смысле программист Юра Паливода, считавший, что «жить в кредит не повредит», был полной противоположностью Альбине. Понятие планирования расходов было ему неведомо, беря кредиты и занимая деньги у знакомых, Юра отталкивался не от реальных своих доходов, а от воображаемых перспектив – прибавки к зарплате, выгодной халтурки, выигрыша в «Миллилото» или в «Бинго». Разумеется, воображаемые перспективы так и оставались воображаемыми, долги росли, как снежный ком, Юра нервничал и регулярно, каждый месяц, а то и чаще, пытался занят у Виктории «ну хоть сколько-нибудь».

– Я, кажется, никуда не прячусь, – уточнила Виктория. – А вот подкарауливать девушку возле туалета это как-то чересчур интимно. Тебе не кажется?

– А где тебя еще подкарауливать? – хмыкнул Юра, отлипая от стены. – В курилку ты не ходишь, обедать тоже не хо-

дишь, в офисе яблочки грызешь, на чашечку кофе в серверную не заглядываешь. А у меня к тебе деликатный вопрос.

– Нет! – Виктория посмотрела Юре в глаза и вежливо улыбнулась, подслащивая горькую пилюлю. – Денег нет и не будет. Я могу идти навстречу новым трудовым свершениям?

– Про деньги поговорим чуть позже, а сначала я хотел бы пригласить тебя в серверную, – Юра лукаво подмигнул и усмехнулся в бороду. – Это не то, что ты подумала, а совсем другое. Покажу тебе кое-что, заслуживающее обсуждения.

– Кое-что, заслуживающее обсуждения? – переспросила Виктория. – В серверной? Это случайно не то, что ты хотел показать Даше?

Когда два года назад в студии появилась новый бухгалтер Даша Гусарова, Юра воспылал к ней страстью. Даша, не зная истинной Юриной натуры, принимала его знаки внимания за обычную галантность. Юра расценил ее вежливые улыбки, как готовность к дальнейшему развитию событий. Заманив Дашу в серверную под каким-то предлогом, он проявил излишнюю настойчивость, в результате которой лишился части своей бороды и имел беседу с Дашиным мужем. Теперь, даже во время традиционного корпоративного разгула Юра держался от Даши на расстоянии.

– Совсем не то! – огрызнулся Юра. – Я же сказал, что это не то, что ты подумала.

Виктория в этом и не сомневалась. Ей просто захотелось подколоть Юру. Небось, начнет сейчас показывать свои до-

говора с банками и бить на жалость. К такой похвальной настойчивости ему бы ума побольше, давно бы миллионером стал... К Юре Виктория в целом относилась неплохо, несмотря на его назойливость и далеко не самый лучший характер. Недостатки есть у всех, кроме того Юра был «программером», а она дизайнером и их невозможно было столкнуть лбами. Отсутствие поводов для грызни – залог нормальных отношений.

В тесной серверной витал запахок табака.

– Юра, ты хотя бы спреем брызгал, если уж куришь в серверной, – сказала Виктория. – Марго тебя убьет, если узнает. И заставит платить штраф, который ей выставит арендодатель. Оно тебе надо?

За курение сотрудников в не отведенных для этого местах на фирму-арендатора налагался штраф в размере ста тысяч рублей. Выписка из договора аренды висела на доске объявлений. Юру спасало то, что Маргарита Борисовна избегала появляться в серверной, поскольку считала, что там есть вредное для здоровья излучение. Но ведь свет не без добрых людей, настучать всегда есть кому.

– Это откуда-то по вентиляции принесло, – сказал Юра, усаживаясь за свой стол, на котором, среди прочего барахла, Виктория заметила блюдо с кучкой пепла и двумя окурками. – Подожди секундочку...

Пощелкав мышью, Юра развернул экран монитора к Виктории и не без ехидства спросил:

– Как вы это объясните, уважаемая?

Виктория посмотрела на экран. Корпоративная почта, исходящие письма – ничего особенного. Она недоуменно посмотрела на Юру и спросила:

– А что я должна объяснять?

– Письмо с проектом для ЗАО «Лендсар», которое в прошлый четверг, в семнадцать сорок ты отправила на адрес милка три девятки, – Юра вернул монитор в исходное положение и снова защелкал мышью. – Тут не только проект, но и договор со всеми дополнительными приложениями. Если вспомнить, о чем говорила в понедельник Хозяйка, то выводы напрашиваются сами собой. К твоему сведению – если ты удаляешь письмо из своего ящика, то копия на сервере все равно остается. Большой Брат, – Юра ткнул себя в грудь пухлым пальцем, – следит за всеми!

– Я не отправляла этого письма, и проектом для «Лендсар» не занималась... – Виктория начала лихорадочно припоминать, что она делала в прошлый четверг после обеда. – Это какая-то ошибка.

– Ошибка исключается, – Юра отрицательно покачал головой. – Письмо отправлено из твоего ящика, какие тут могут быть ошибки? То, что проект для «Ленсара» готовили Ирка с Максиком, ничего не означает. Он находился в общем внутреннем доступе, так же, как и договора.

– Это ошибка, – не очень уверенно повторила Виктория. – Я не отправляла никакой милке никаких проектов. Кстати,

о письмах — мне в понедельник пришло странное письмо с незнакомого адреса. Там было написано...

— Бог велел делиться! — Юра ощерил в улыбке крупные, пожелтевшие от никотина зубы.

— Так это ты его написал! — ахнула Виктория и села на стул, поняв, что разговор затягивается. — Зачем? И почему без подписи?

— Подпись там была, — Юра заулыбался еще шире. — Только завуалированная. Хотел проверить твою сообразительность. Посмотри на мою кружку...

«Точно! — подумала Виктория, переводя взгляд на стоявшую на столе кружку. — Как же я раньше не догадалась! И ведь сама заказывала эти кружки мальчикам на двадцать третье февраля, каждому рисунок со смыслом подбирала...»

На кружке, выбранной ей для Юры, была изображена на фоне спирали из мелких циферок греческая буква «пи».

— Люблю загадки, — лицо Юры приобрело серьезное выражение. — Думал, что ты догадаешься и сама захочешь выяснить, в чем дело, но ты не догадалась... Или просто притворилась?

Виктория покачала головой, давая понять, что она не притворялась. То, что она могла вспомнить о прошлом четверге, не выходило за рамки обычных дел. Она работала над двумя проектами, переписывалась с заказчиками, уточняла кое-какие пожелания, разговаривала по телефону с Валеркой, который звонил предупредить, что задержится на работе... Ва-

лерка, в отличие от Константина, всегда предупреждал, если задерживался. Вот как ни сравнивай, с какой стороны не погляди, а нынешний муж по всем статьям лучше бывшего. По всем, в том числе и в постели, потому что очень внимателен и заботлив. Почему же тогда по утрам, когда просыпаешься рядом с Валеркой, сердце не ёкает радостно? И почему, несмотря на всю Валеркину заботливость, секс с ним не приносит такого блаженства, как с Константином? Телу замечательно, а душе чего-то недостает. Как избавиться от морока по имени Константин? Прямо хоть к бабке-ведунье обращайся, чтобы сделала отворот. Альбина уверена, что «отвороты», в отличие от «приворотов», помогают, потому что касаются тебя самой, а не другого человека. Один из методов психотерапии...

– Я не отправляла этого письма... – еще раз повторила она, холодея при мысли о том, что она могла отправить его неосознанно, отправить и забыть об этом, но почему тогда именно этот проект, а не какой-то из своих, и почему на незнакомый ей адрес? – Это какая-то ошибка, Юра.

– А ты молодец! – похвалил Юра. – Кремень! Не признаваться, во что бы ни стало, это единственно правильная тактика в подобной ситуации. Но, боюсь, что Хозяйка скорее поверит не тебе, а своим собственным глазам.

– Ты хочешь сдать меня Хозяйке? – изумилась Виктория. – Юра? Ты ли это?

– Я не гад, Вика, просто у меня ипотека и еще долгов до

кучи, – вздохнул Юра. – И сдавать я тебя не хочу, поверь. Хотел бы, уже сдал. Кстати, формулировка твоего вопроса уже есть признание вины. Сдать можно только виноватого, невиновного можно оклеветать...

Виктории было не до филологических тонкостей. Она пыталась вспомнить, оставляла ли она в то время, о котором шла речь свой компьютер без присмотра. Вроде бы нет. Маргарита Борисовна в тот вечер ее к себе не вызывала, курьеры от заказчиков на вахту не приезжали, разве что в туалет? Нет, кажется, в туалет она пошла перед самым уходом, в семь с небольшим, уже выключив компьютер. Что за чертовщина? Неужели, неприязнь к Ирке вынудила ее отправить Иркин проект «в никуда», по произвольному адресу? Все возможно, но...

– Ящик этот я, кстати говоря, хакнул, – Юра скривился, давая понять, что взлом ящика не доставил ему затруднений. – Пустой анонимный ящик. Вот чего понять не могу, так это твоей опрометчивости. Неужели из дома нельзя было отправить? Срочно приперло или это пофигизм профессионалов?

Виктория молчала, потому что отвечать ей было нечего. Юра все равно не поверит. Да и сама она не понимает, как это могло случиться. Неужели у нее что-то серьезное с головой? То дома были сюрпризы, теперь уже на работе... Что происходит?

– Ты меня пойми правильно, – снова заканючил Юра, – я

не хочу делать тебе ничего плохого, но у меня ипотека и куча долгов, а за такое Хозяйка непременно отвалит жирную премию. Думаю, что не меньше тридцатника. Ей эти утечки вот где сидят, – Юра провел ребром ладони под бородой. – Знаешь, а я бы никогда на тебя не подумал... Хотя, ты можешь не за деньги стараться, а для карьеры. Хочешь быть у Гуся правой рукой? Или в компаньоны метишь? Да, тебе есть, что ему предложить, ты со средствами. А у меня ипотека...

– У всех всегда есть оправдание, Юра, – звенящим от ярости голосом сказала Виктория. – И у тех, кто в концлагерях работал, и у грабителей, и у тех, кто тачки поперек прохода ставит... Но эти оправдания не оправдывают. Если тебе так хочется, Юра, то иди к Хозяйке и все ей расскажи, только не строй из себя белого и пушистого. Ты толстый, вонючий и мерзкий! И мне кажется, что премии ты не получишь!

Виктория вскочила на ноги, схватила со стола блюдо с окурками и отошла к двери.

– Пошли к Марго вместе, – предложила она. – Ты покажешь свою находку, а я свою. Кажется, кроме тебя у нас в студии никто не курит сигариллы? Или я ошибаюсь?

Юра, явно не ожидавший такого оборота, сидел на стуле и хлопал глазами. Виктория вдруг стало стыдно. Она представила, как войдет с блюдцем в руках к Хозяйке и скажет: «Знаете, Маргарита Борисовна, а Юра курит в серверной, вот доказательство»... Смешно! Ужасно! Стыдно! Как можно вообще опускаться до чего-то подобного?

К стыду добавилось раздражение. Виктория разозлилась на себя, на Юру, на все то непонятное, что с ней происходило. На глаза навернулись слезы, подбородок предательски задрожал. Виктория шагнула к столу, желая поставить блюдце обратно на стол, но вместо этого, неожиданно для себя, запустила блюдцем в Юру, сопроводив бросок неприличным ругательством. Ругательство, смешавшись с всхлипом, получилось невнятным, вряд ли Юра понял, что Виктория хотела ему что-то сказать. Что было дальше, Виктория помнила смутно. Придя в себя, она обнаружила, что стоит в туалете и ожесточенно плещет себе в лицо холодной водой, не беспокоясь ни о макияже, ни о том, чтобы не облить блузку. Взгляд в зеркало заставил содрогнуться. Вместо привычного милого сердцу образа на Викторину смотрела бледная фурия с растрепанной прической, лихорадочным блеском в глазах и неприятным истерическим оскалом, не имевшим ничего общего с улыбкой. Привычка улыбаться себе в зеркало была у Виктории всегда, сколько она себя помнила, это же так здорово – улыбнуться себе. Вот и сейчас пыталась улыбнуться, но не получалось.

Блузку Виктория высушила при помощи сушилки для рук. Волосы пригладила руками, слегка похлопала себя по щекам, желая убрать бледность, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и решила, что в таком виде можно идти к людям. Выйдя из туалета, она снова столкнулась Юрой. Разница была лишь в том, что теперь Юра держал в руках ее

сумку.

– Я подумал, что тебе может понадобится что-то из косметики, – сказал он, протягивая Виктории сумку.

Виктория гневно сверкнула глазами, рывком выхватила сумку и скрылась в туалете.

Примерно на середине процесса в туалет вошла Филиппова. Увидев Викторию за «наведением марафета» ухмыльнулась, качнула головой и скрылась в кабинке. Нетрудно было догадаться, о чем она могла подумать. О «скоротечном» производственном сексе с Юрой, и ни о чем больше. Особенно, если заметила, как Юра забирал сумку, висевшую на спинке стула. Филиппова глазастая, все замечает. А подлый Юра, продолжая компрометировать Викторию, явно торчал возле туалета и горел желанием продолжить торг. Он и сумку-то Виктории принес не по доброте душевной, а для того, чтобы она не пошла за ней сама. Тогда бы она в туалет возвращаться не стала, устроила бы «ширму» из папок и, на скорую руку, накрасилась прямо за столом. А в офисе о тайном не поговоришь – все видно, все слышно. А Юре не терпится. «Вика, ты пойми меня правильно, я не гад, просто у меня ипотека...» Гад ты, Юрочка, еще какой гад, можешь не сомневаться.

Быстренько закончив с макияжем, Виктория вышла в коридор. Предчувствие ее не обмануло – Юра торчал на прежнем месте. Гордо вздернув подбородок, Виктория прошла мимо, показывая, что не желает больше общаться с шанта-

жистом. Пусть ябедничает Хозяйке, пусть та ее увольняет, но платить Юре она не станет. В любом шантаже участвуют два идиота, один требует денег, другой их дает.

Юра увязался за ней.

– Я все стер, – шепотом сообщил он. – Прости, что так получилось. Я же не гад...

– У тебя просто ипотека и долги, – так же, шепотом сказала Виктория, сильно сомневаясь в том, что Юра в самом деле стер письмо. – Я в курсе.

– И еще Ляльке моей какая-то сволочь облила машину смывкой краски. Прямо во дворе, под окнами – представляешь? Краска сошла полностью, надо срочно машину в покраску отдавать. Хотя и по знакомству, а все равно тридцатку вынь да положь...

– Не бей на жалость, не поможет! – оборвала Юру Виктория.

– Лялька все свои побрякушки в ломбард отнесла, только обручальное кольцо оставила, – ныл Юра. – У меня сейчас такая ж..., что не знаю уже на чем сэкономить. Мне хотя бы тридцатку, чтобы Ляльку надолго без машины не оставлять. Она ж у меня риэлтор, ей нельзя без машины...

– Свою ей отдай! – посоветовала Виктория.

– Не могу, – вздохнул Юра. – Машина меня сейчас кормит. Ну, точнее подкармливает. Вечером домой еду и высматриваю голосующих, чтобы несколько сотен по пути срубить, на хлебушек. Ты думаешь, почему я окурки сразу не

выбрасываю? Я их потом докуриваю...

Окурки почему-то тронули Викторию. В двух шагах от дверей офиса она остановилась, обернулась к Юре и сказала:

– Так уж и быть, Юра! В виде исключения, я одолжу тебе тридцать тысяч. Но это будет один-единственный раз, ты меня понял? На повторы не надейся!

– Понял, понял, – закивал Юра. – Один-единственный раз... Я отдам, ты не думай, в мае или на худой конец в июне. Мне бы только перебиться...

– Отдавать будешь частями! – строго сказала Виктория. – Понемногу. По пять тысяч в месяц! Мне не к спеху, а тебя это возможно дисциплинирует.

– Как скажешь, Вика! – просиял лицом Юра, после оглашения условий окончательно поверивший в то, что Виктория даст ему денег. – Только если можно, поскорее, а то...

– Могу прямо сейчас, – предложила Виктория и направилась к лифтам, чтобы спуститься на первый этаж к банкоматам.

– Я действительно все стер, – шептал ей в спину Юра. – Можешь убедиться. И я никогда бы не стал на тебя доносить. Я просто заигрался. Я же не гад какой...

– У тебя когда день рождения? – спросила Виктория. – В сентябре?

– Да, девятого, – подтвердил Юра. – Девятый день девятого месяца, одна тысяча семьдесят девятый год. Четыре девятки в дате и никакого счастья в жизни... А почему ты спра-

шиваешь?

– Чтобы подготовить подарок, – усмехнулась Виктория, решив, что подарит Юре футболку с его любимым присловьем на разных языках.

– Какой? – оживился Юра.

– Не скажу, – ответила Виктория. – Это будет сюрприз.

В лифте ехали одни. Когда двери закрылись, Юра прижал к груди обе ладони и прочувственно пробасил:

– Вика, ты – человек!

– Это потому что у меня нет ипотеки, – ответила Виктория, слегка тронутая таким безыскусным комплиментом.

Наконец-то усевшись за свой стол, Виктория первым делом убедилась в том, что ни в папке с отправленными письмами, ни в корзине не было письма, о котором говорил Юра. Затем она открыла папку с проектом, над которым работала в прошлый четверг и, перебирая файлы, попыталась как можно подробнее восстановить в памяти промежуток между пятью и шестью часами вечера. Задача сильно осложнялась тем, что работала Виктория увлеченно, не глядя то и дело на часы, поэтому сказать, чем именно она занималась во время отправки письма, можно было лишь приблизительно.

Надеясь, что повторение действий сможет простимулировать память, Виктория проглядела проект, который делался для сети гостиниц «Лендсар» и пробежалась глазами по заключенному с ним договору. Тщетно – память так и не простимулировалась и, вообще, было такое ощущение, буд-

то она видит и проект, и договор впервые. Знакомым было только название компании, но только потому, что оно время от времени звучало на летучках.

Пора было обращаться за помощью к психиатрам или психологам. Не будучи в силах решить, к кому именно ей следует обратиться, Виктория решила начать с врачей, то есть с Альбины.

– Вы тоже голову светить? Опухоль, наверное, вы же такая молодая для всего остального. Опухоль это серьезно... У моей племянницы тоже была опухоль. Этого, как его... гипофиза. Вырезали через нос, чтобы череп не сверлить. Опухоль оказалась доброкачественной, но проблем все равно было много. Мне кажется, что она до сих пор не оправилась. Бывает, уставится в одну точку и застынет на час. Может рассмеяться без причины. А что вы хотите? Мозг – дело тонкое, это вам не чирей на мягком месте вскрыть...

Если очередь перед кабинетом состоит хотя бы из двух человек, то в ней непременно найдутся желающие поговорить, «посочувствовать». Настроение и без того не самое радужное, а эти улыбочивые вампиры последние крохи надежды выпьют. Виктория невольно сравнивала те очереди, в которых она провела последнюю неделю с очередями в клиниках, занимающихся лечением бесплодия. Небо и земля, поразительная разница, хотя и там, и там, в сущности одни и те же люди, нуждающиеся в медицинской помощи. Неужели все дело в возрасте, в том, что в тех очередях контингент был моложе? Или – лучше воспитан? Или просто везло, разводила судьба с придурками. А сейчас такое впечатление, что кругом одни придурки. За редким исключением. И вроде бы улыбаются, смотрят участливо, язык не поворачи-

чивается резко ответить. А у других поворачивается. Перед тем, как обернуться к Виктории, тетка пыталась заговорить с соседкой слева, но та сухо оборвала ее, сказав, что не имеет привычки разговаривать с незнакомыми людьми. Нет, надо, наверное, все же научиться быть бесцеремонной. Иногда это полезно. У кого учиться? Да, хотя бы у Альбины. Вот что бы Альбина сказала тетке?

– А у моего покойного мужа метастазы в мозгу были. Он все жаловался, что запахов не чувствует, ЛОР ему капли в нос выписывал, но все без толку. А потом заведующая его на флюорографию погнала, а там рак легкого. Вот эти самые метастазы в мозгу и не давали ему запахи различать. А вы запахи различаете? Все?

Так и не придумав ответа, достойного Альбины, Виктория поступила проще – демонстративно отодвинулась от надоедливой тетки и, чтобы та не придвинулась к ней, поставила между ними свою сумку. Тетка фыркнула и, за неимением других собеседников, стала разговаривать сама с собой, бурча под нос нечто невнятное. Не исключено, что она высказывалась по поводу Виктории, но тихое бормотание той не мешало.

Виктории почему-то казалось, что Альбина ее успокоит. Скажет – ах, какие пустяки, попей витаминчики или еще какое-нибудь нестрашное лекарство, например – что-то йодосодержащее, и все пройдет. На худой конец посоветует какое-нибудь успокаивающее. Ясно же, что проблемы с памя-

тью от нервов. Историю с проектом Ирки Филипповой Виктория объяснила себе так – Филиппова постоянно ее раздражает, даже когда молчит, просто так раздражает, самым фактом своего существования. Вот она и не выдержала, взяла ее проект и отправила по первому пришедшему на ум адресу. Кажется, у психологов это называется «проекцией». Или «сублимацией»? Неважно. Короче говоря, не можешь вышвырнуть из офиса Филиппову, так хотя бы ее проект куда-нибудь «зашвырни». Как-то так. А в том, что адрес оказался реально существующим, нет ничего удивительного. Сейчас у каждого по десятку адресов, использующихся и не использующихся. У некоторых, так и больше. Например, ловелас Ванечка заводит отдельный адрес для каждой своей пассии, ему так удобнее. Так что какую комбинацию букв и цифр не придумай, она в девяти случаях из десяти окажется чьим-то адресом.

В качестве самого крайнего варианта Виктория рассматривала консультацию психолога или психиатра. Поговорить с умным человеком, рассказать о своих переживаниях, услышать в ответ, что это все пустяки...

Ага, пустяки. Как бы ни так! Услышав о провалах в памяти, Альбина обеспокоилась (по лицу видно было) и начала засыпать Викторию вопросами с энтузиазмом, которому позавидовала бы команда доктора Хауса. И с такой же завидной дотошностью. Спросила обо всем, начиная с мушек и пятен перед глазами и заканчивая онемением пальцев на но-

гах. Некоторые вопросы были настолько интимными, что их было неловко обсуждать даже с близкой подругой, которая, к тому же еще и доктор.

Пятна перед глазами? Бывает, мельтешат после того, как весь день просидишь за компьютером. И пальцы на ногах иногда немеют, если приходится долго стоять на месте. В последний раз немели этой зимой, когда в снегопад приходилось ездить на работу на автобусе, да на метро. Возросла ли раздражительность? Да она с каждым годом только и делает, что возрастает, особенно после развода. Большинство вопросов, задаваемых врачами, предполагает утвердительный ответ, разве не так? Но ответы можно истолковать по-разному, а врачи все толкуют в свою пользу, то есть подводят к какому-то диагнозу. Закончив с вопросами, Альбина нахмурилась и полезла в сумку за мобильником. Викторию, чтобы не мешала, попросила сварить кофе. Вернувшись в гостиную с подносом в руках, Виктория узнала, что завтра ей предстоит встретиться с невропатологом и эндокринологом, которые «займутся ею всерьез» и что ближайшую неделю ей придется провести в беготне по клиникам.

– Прямо так вот и в беготне? – удивилась Виктория. – И зачем мне эндокринолог, я же недавно у него была...

– Затем, что недавно тебя обследовали по одной проблеме, а сейчас надо проверять другое! – отрезала Альбина. – И советую не затягивать с обследованием. Мало ли что...

Это «мало ли что» было сказано таким тоном, что Викто-

рии стало не по себе.

– А к психологу мне не надо? – спросила она.

– Потом! – ответила Альбина. – Когда исключим «органику»! К психологу никогда не поздно обратиться, в отличие от нейрохирурга. Ну что я за дура! Тебе же еще и окулист нужен!

По мнению Виктории, окулист ей был совершенно не нужен, но Альбину не переспорить. Сделав два звонка, она договорилась о консультации окулиста. Викторию так и подмывало пошутить, спросить, почему ее не отправляют к кардиологу и урологу, но с Альбиной на эту тему шутить было опасно. Спихватится и направит. Попробуй не сходи – съест живьем.

Магнитно-резонансная томография головного мозга и шейного отдела позвоночника оказалась самым тяжелым испытанием. Во-первых, потому что, получив направление, Виктория отчаянно перетрусилась. Альбина нашла ей очень хорошего невропатолога. Эндокринолог и окулист тоже были внимательными и, судя по производимому впечатлению, компетентными, но невропатолог Надежда Максимилиановна общалась с Викторией как с родной сестрой. Помимо всего прочего Надежда Максимилиановна обстоятельно объясняла необходимость каждого исследования, не иначе как опасалась, что Виктория может подумать будто ее «раскручивают на бабки». Без понятия идти на это исследование не так страшно, как с понятием. Опухоли, аневризмы – хороша

перспектива!

Во-вторых, было очень неприятно лежать в замкнутой капсуле аппарата. Сами собой напрашивались неприятные ассоциации, да и с чем ее можно сравнить, капсулу эту, как не с гробом? В какой-то момент состояние Виктории приблизилось к паническому, хорошо, что спустя несколько секунд исследование закончилось и она «выехала» из капсулы. Надо же, никогда не думала, что у нее может быть клаустрофобия.

Но, после всего перенесенного можно было порадоваться тому, что с «органикой» дело обстоит хорошо. Ни невропатолог, ни эндокринолог, ни окулист не нашли ничего серьезного. Можно сказать, вообще ничего не нашли. Небольшое снижение остроты зрения в левом глазу, не требующее очков, можно было не считать за патологию.

Викторию очень удивила реакция Альбины на результаты обследования. Она ожидала, что подруга порадует за нее, но та не выказала никакой радости. Покивала своей светлой головой, читая заключения и сказала:

– Ну что ж, придется направлять к психиатру.

– Ты говоришь это с таким видом, будто к патологоанатому направляешь, – пошутила Виктория. – Или по твоему мнению мне кто-то что-то не то написал?

– Да все то, то, – проворчала Альбина, – просто иногда проще вырезать какую-нибудь «бню» или прищепкой зажать, нежели углубляться в непознаваемое.

– Прищепкой? – удивилась Виктория, думая, что Альбина прикалывается.

– Ну, да – прищепкой. Клипсу такую накладывают на шейку аневризмы, чтобы кровь в нее больше не поступала, – объяснила Альбина и, поняв, что немного переборщила, включила задний ход. – Да ты не волнуйся, подруга. Если в непознаваемое углубляться с умом, то толк непременно будет. Я тебя пристрою к такому чудному психиатру, что ты будешь визжать от счастья!

Виктория подумала, что психиатры, кажется, все «чудные», если верить тому, что о них рассказывают. А еще она подумала, что вряд ли станет визжать от счастья, общаясь с кем-то из врачей, какими бы хорошими они бы не были. Разве что в преклонном возрасте, впад в маразм.

– А знаешь, я за эту неделю, кажется, ничего не забыла и не перепутала, – похвасталась она Альбине. – Даже на фоне всей этой суеты с обследованием.

– Тебе просто некогда было забывать и путать! – хмыкнула Альбина. – Крутилась, как белка в колесе. А потом не спеши радоваться, ты же не сразу о своих «подвигах» узнаешь, а спустя какое-то время.

– Спасибо, ты, как никто, умеешь утешить, – съязвила Виктория.

– Я просто не хочу, чтобы ты успокаивалась раньше времени! – парировала Альбина. – А то решишь, что у тебя все хорошо, бросишь начатое на полдороге и потеряешь драго-

ценное время. Сам собой только насморк проходит, да и то не всегда...

Осадок от разговора с Альбиной остался неприятный. Не потому что Альбина была в чем-то виновата (она, как раз, ни в чем виновата не была), а потому что проблема начала осознаваться глубже и как-то больнее. Ну и вообще, походы по врачам редко кому доставляют радость. И «хвостов» на работе за неделю скопилось изрядно. И, вообще, все было не так. Вдруг накрыло ощущение одиночества, собственной ненужности и того, что все самое лучшее в жизни уже случилось, впереди ничего хорошего не ждет. Такое ощущение уже посещало Викторию в промежутке между предательством Константина и предложением Валерки. То был очень тяжелый период, время, когда казалось, что жить дальше незачем. Суицидальных мыслей как таковых не было (и слава Богу!), но жить не хотелось, слишком уж безрадостной и безысходной казалась жизнь. В какой-то из книг Виктория вычитала определение, как нельзя лучше подходившее к ее тогдашнему состоянию – «утрата жизненной искры». Именно так, жизнь есть, а искры нету.

Искру вернул Валерка. Позвонил пригласить их «на посиделки», когда Виктория сказала, что теперь ему придется выбирать, с кем общаться, потому что они больше не вместе, не семья, ответил, что выбирать тут нечего и предложил встретиться тем же вечером, поговорить за жизнь. Виктория находилась в таком смятении чувств, когда голова на-

прочь отказывается соображать. Неизвестно почему она решила, что Константин попросил Валерку их помирить. Поэтому встречаться с Валеркой отказалась, но уже на следующий день он ждал ее утром в вестибюле бизнес-центра. В одной руке портфель, в другой букет красных роз – символ любви. Подошел, вручил букет, сказал, что любил, любит и всегда будет любить. Виктория никогда не думала, что предложение можно сделать столь деловито, да, к тому же, в совершенно неподходящей для этого обстановке. Утро рабочего дня, народ топает в офисы, а посреди вестибюля стоит колоритная парочка – Бледная Немочь (это Виктория так себя тогда звала, самокритично и объективно) и солидный мужчина, не сводящий с этой самой Немочи взгляд. Через пару дней Валерка повторил предложение в каноническом стиле – ресторан, коробочка с кольцом на ладони, но настоящим предложением все равно осталось то, сделанное в вестибюле. И стоило только Виктории вдохнуть чудесный запах роз (тогда ей казалось, что ни одни цветы в жизни не пахли так замечательно), как что-то разжалось внутри, и серый мир заиграл красками. И жить сразу же захотелось, и все трагичное стало казаться не трагичным, а просто досадным, и одинокой она себя уже не чувствовала... Преданной продолжала чувствовать, а одинокой – нет. А Валерка стоял, слегка склонив голову набок, смотрел на нее и улыбался...

«Надо взять себя в руки, – подумала Виктория, проводив Альбину. – Надо расслабиться, чтобы отпустило, а потом со-

браться. Мобилизовать все силы, оставшиеся после этой суматошной недели, приготовить ужин и ждать Валерку. Валерка заслужил вкусный субботний ужин в приятной домашней обстановке. Он вообще *всё* заслужил... Но сначала надо привести себя в норму...»

Виктория прилегла на диван и немножко полежала с закрытыми глазами, стараясь думать о хорошем – о том, что у нее есть Валерка, о том, что у нее нет опухолей и аневризм, о том, что у нее хорошая работа и хорошие анализы, о том, что скоро будет лето, о том, что когда-нибудь у них с Валеркой родится ребенок... Вот про ребенка сейчас думать, наверное, не стоило. Мало того, что от бесплодия лечишься, а теперь еще и с психикой нелады вылезли. Психические заболевания передаются по наследству, это всем известно. Вдруг окажется, что у нее шизофрения? Не дай Бог, конечно, но вдруг? Стоит ли тогда вообще иметь детей?

Вдруг вспомнилось, что мать иногда говорила про отца: «он иногда себя вел, как пыльным мешком из-за угла прихлопнутый». В подробности она не вдавалась и Виктория вопросов не задавала, а ведь надо было расспросить. О родном отце надо знать как можно больше, даже если ты в его жизни ничего не значила.

О хорошем думать уже не получалось. Внутри сжало еще сильнее. Виктория решила выпить коньяку. Крепкие напитки оказывали на нее отупляюще-расслабляющее действие, почему она их, собственно и не любила. Но сейчас ей как раз

было надо отупеть и расслабиться.

Выпитая залпом рюмка только обожгла горло, можно было подумать, что пьешь горячий чай, а не коньяк. Вместо приятного тепла вдруг стало знобить. Захотелось посидеть в горячей ванне, в облаках благоуханной пены. «С этого и надо было начинать, а не с коньяка!» – подумала Виктория, но, отправляясь в ванну зачем-то прихватила с собой и бутылку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.